

18+

ТАТЬЯНА ОСИПОВА
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

A man in a green hoodie is shown in profile, looking down. The background is a dark, apocalyptic cityscape with smoke and fire rising from the buildings. The overall tone is somber and dramatic.

ДЫХАНИЕ БУДУЩЕГО
АПОКАЛИПСИС

Татьяна Осипова
Дыхание будущего.
Апокалипсис.
Фантастические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64092621

ISBN 9785005332899

Аннотация

И придёт завтра и будет новый день. Дыхание будущего близко, какое оно будет, зависит от нас сегодня. Сборник рассказов, где герои выживают в период катаклизмов и техногенных катастроф. Остаться человеком может только тот, кто способен принять мир таким, какой он есть, защищая близких, несмотря ни на что.

Содержание

Ангелы тоже врут	5
Гротер Думс	29
Земля обетованная	51
Игры ярости	84
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Дыхание будущего.
Апокалипсис
Фантастические рассказы**

Татьяна Осипова

Редактор Сергей Михайлович Кулагин

Корректор Галина Заплата

Иллюстратор Татьяна Осипова

Дизайнер обложки сток сервис

© Татьяна Осипова, 2021

© Татьяна Осипова, иллюстрации, 2021

© сток сервис, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-3289-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангелы тоже врут

– Больно не будет, – сообщил усталым голосом доктор. Его лицо с недельной щетиной казалось серым и осунувшимся.

Рядом с операционным столом звякнули металлические инструменты. Женщина поёжилась. В голове закружилась карусель иллюзий, наркоз начал действие, забирая в недолгое путешествие разум, отключая боль.

* * *

Тихими шагами существо вошло в дом, пролетело по кухне вдохнув запах булочек – мама троих детей нашла старый рецепт. Приготовление заняло половину дня, и резервы сахара, которые считались «Неприкосновенный Запас», родителями было решено потратить ради праздника. «Иногда можно», – сказал Сергей, Катин муж, а трое детей Варя, Леся и Денис не отходили от стола, с любопытством взирая на таинство приготовления.

Создание из света, напоминающее сгусток мерцающей энергии заглянуло в комнаты детей, потом влетело к родителям. Оно приняло образ ребенка, и, не касаясь, пола, двигалось между стульями, столом и брошенными на пол рюкзаками. Коснулось металлического предмета на столе. Старый

колокольчик глухо звякнул. Давным-давно отец подарил его Сергею, когда сын пошёл в первый класс. «На, вот», – вручил неожиданный подарок отец, – «Мы тогда с пацанами спёрли его из учительской после выпускного. Похулиганили, нагоняй получили от „классной“, но так и не вернули, держались. Ты бери его и помни, что учиться очень важно, сынок. Пусть он станет твоим талисманом». Существо слушало разговор из прошлого, вглядываясь в спящего мужчину, изучая женщину, которая лежала рядом с ним.

Катя, проснувшись, потёрла глаза и, потянувшись, уронила с тумбочки недочитанную книгу. На фоне обложки красовался мускулистый солдат, обнимающий красивую девушку с пышными формами. Потрёпанная книжка плюхнулась, раскрылась, и женщина не заметила выпавшую из пожелтевших страниц фотографию. Муж повернулся на другой бок. Катя посмотрела в приоткрытую дверь и увидела, что-то белое скрывается в дверном проёме.

«Наверное, кошка», – решила она сквозь сон и, протянув руку, попыталась поднять книгу. Сон оказался сильнее желания встать с кровати, вчерашний день выдался тяжёлым. Катя откинулась на подушки и снова закрыла глаза.

Домашние спали. Что-то пощекотало пёрышком в носу Вари. Она чихнула и проснулась. На краю кровати сидела девочка со светлыми волосами. Она смотрела на Варю и улыбалась. У незнакомки доброе лицо, и волосы пахли очень приятно. Золотистые локоны спускались на плечи, а за спиной

девчурки, Варя увидела два белых крылышка, с пушистыми перьями.

– Ты кто? – полюбопытствовала Варя.

– Твой ангел хранитель, – ответила гостя и, приложив палец к губам, прошептала, – только никому не говори, ладно?

– А почему? Я маме всё всегда рассказываю, – не согласилась малышка.

– Я тебе потом расскажу, – терпеливо ответила ангел. – Когда время наступит...

– А почему потом? – прервала её Варя. – Я хочу сейчас. И вообще, ты, настоящая или мне снишься? – полюбопытствовала девочка.

– Настоящая. – устало ответила ангел, в надежде, что девочка больше не станет задавать вопросов.

– Ангел, говоришь?

– Да.

– Чей?

– Твой.

– Врёшь? – рассмеялась Варя.

– Совсем нет, – покачала головой гостя и, приложив палец к губам, прошептала, – только никому не говори, ладно?

– Ну, ладно, – кивнула в ответ Варя.

– У меня к тебе важное дело, Варвара, – продолжила ангел хранитель. – Сегодня Рождество, и родители обязательно отправятся в Торговый Центр за подарками. Мне не дано права посвящать тебе в подробности, но постарайся угово-

рить маму и папу пойти в другое место.

– Хорошо, – согласилась девочка, снова зажмурившись, считая, что это просто сон. – Потом приоткрыла глаза. Ангел хранитель так и сидела на краю постели. – Что же должно случиться?

– Кое-что нехорошее, – существо, похожее на ребёнка нахмурило светлые брови, а потом розовые губы расплылись в приятной улыбке. – Но верить в чудо никогда не поздно.

Ангел коснулась Вариной руки и пожелала счастливого Рождества.

* * *

Катя открыла глаза и, откинув одеяло, всунула ноги в меховые тапки. Солнце просачивалось сквозь щели в окнах. Они были закрыты деревянными ставнями, на которых нарисованные детской рукой цветы и лесные звери выцвели, а краска местами облупилась. Полупрозрачные шторы казались лишними. Так и хотелось отодвинуть их и раскрыть окна, чтобы свет проник в комнату.

Катя поёжилась, в комнате зябко. Посмотрела на часы. «Завести на ночь забыла», – посетовала женщина. До времени «Ч» оставалось около двух часов, если верить отстающим стрелкам. Потом необходимо сдать ключ «смотрящему» и уходить в дорогу.

– Серёж, вставай, – бросила Катя мужу. Их диван стоял

на просторной кухне, где имелся большой стол с табуретками и всевозможная кухонная утварь.

Катерина подбросила в печку несколько колотых поленьев и поставила наверх чайник. Посмотрела на кухню, где чисто вымытая плита, словно напоминание из прошлого. Женщина помнила, как готовила мать на такой же, включала газ, поворотом ручки. Вспыхивало, похожее на синий цветок пламя, и не надо было колоть дрова, чтобы растопить печь.

– Катенька, – тихий голос мужа за спиной показался не выспавшимся. – Ты завтрак делаешь?

– Ага. Иди, буди детей. И время проверь, забыла вчера часы завести. На твоих сколько?

– Ещё полтора часа до выезда.

– Хорошо. Скажи который час, я стрелки подведу, – так же, не оборачиваясь, попросила Катя.

Чайник почти закипел, и на горячую поверхность печки отправилась сковорода с булочками. По комнате растекался аромат сдобы. Катя, улыбаясь, провела по сахарной макушке булочки пальцем и облизала его, с удовольствием пробуя забытый вкус сладкой пудры.

– С Рождеством. – Сергей неслышно подошёл и ласково обнял жену за талию, поцеловал в шею. – Непривычно, но уютно здесь.

– Ты находишь? – сдавленно спросила Катя. Приподнятое настроение начало таять. Она представила, как пролетит этот день, и как серые будни станут чёрными, холодны-

ми, длинными, пока не придёт лето. – Тут недалеко убежище «технарей». Я Лесе скажу, чтоб за младшими присматривала, пока мы в Торговый Центр ходим. Это недалеко.

– Я знаю. – Сергей сел за стол, расставляя керамические чашки. Белые до безобразия и неестественные. – А может, не стоило ехать сюда?

– Наверное, – кивнула Катя. – Всё здесь напоминает прошлое, чего мы лишились, а дети, как мы им объясним, что рая больше нет.

– Перестань, – он, улыбаясь, потянул жену к себе за полу халата. – Всё лучше, чем воевать, прятаться и пытаться выжить. За то вещи все перестирала, покупались, наконец-то горячей водой. Месяц не мылись, хорошо не завшивели.

– Твоя, правда, Серёж. Я и не помню, когда так высыпалась. С пятнадцати лет в бегах.

Катя села на колени Серёжи и обхватив за шею заплакала. Он давно не видел её такой, наверное, с тех пор, когда они потеряли первого ребёнка. Сейчас она вспомнила, почему они приехали сюда и в груди защемило. «Хорошо, что они есть друг у друга, могло быть и хуже» подумала она.

Вторжение превратило людей в беженцев, а новые хозяева земли забирали лучшее – земли, города, природные ресурсы, отравляя воздух, похищали детей. Дети, сейчас это был самый ценный товар.

Что происходило с украденными малышами, можно было только гадать, и поэтому Катя заплакала, она вспомнила

безысходность и отчаяние.

Через минуту она успокоилась, села рядом с Сергеем на табурет, разлила чай по чашкам.

– Мама, – голос двенадцатилетней Леси показался родителям встревоженным. – Там Варенька, кажется, заболела.

– Что случилось, милая? – Катя выскочила из-за стола и побежала в комнату младшей дочери.

– У неё лицо красное, мам, и она так дышит часто! – добавил к словам старшей сестры Денис, ещё один мужчина в семействе. Ему первого января исполнилось десять, а самой младшей Варе всего пять лет.

С медикаментами в непростое военное время туго. Не думала Катя, что в Торговом Центре придётся искать их, как и запланированное по списку. Полуразрушенный гипермаркет – опасное место, куда навевываются не просто «семейные», но и бандиты.

Варя, казалось, спала крепко, сопела и дышала с хрипом. Катя коснулась губами лба дочки, понимая, температура высокая.

– Ну, как она? – спросил Сергей, войдя в комнату девочки. Он скрестил руки на груди и озабоченно смотрел на малышку. – Мы не можем их здесь оставить и уйти.

Катя молчала, а на переносице возникла вертикальная похожая на стрелку морщинка. Она всегда появлялась, когда женщина тревожилась.

– Что же делать? – задумчиво протянула она. – Иди, по-

корми ребят, а я постараюсь растереть Варю, помнится, у меня оставалась бутылка со спиртом.

– Думаешь, там достаточно? – спросил муж.

– Вполне, – Катя выбежала на кухню в поисках рюкзака. Денис и Леся следили за каждым шагом матери, они усвоили, что если мама волнуется, пора одеваться теплее, собирать необходимое и прятаться. Прятаться неважно где – в лесу, в тёмном сыром подвале, в развалинах зданий пропахших гарью.

– Идём завтракать! – скомандовал отец, он пытался улыбаться. – Мама справится, а вам необходимо подкрепиться.

Дети послушно уселись за стол, волнение родителей передалось им тоже и ребята без энтузиазма приступили к завтраку. Денис тихо сказал папе, что булочки очень вкусные, Леся, нахмурившись, добавила, что Рождество в этом году какое-то несчастливое.

– Белье из сушки вытащишь после завтрака и в сумку сложи. – Строго сказал Сергей старшей дочери и замолчал. Он знал, доктора сейчас найти будет трудно.

Катя нервничала. Раздела Варю, растёрла спиртом, гладила по волнистым волосам и молилась. Сейчас оставались лишь молитвы, если не было лекарств, патронов или помощи.

– Ко мне приходил ангел-хранитель, – тихо проговорила Варя, открывая глаза.

Катя обняла дочку, пощупала губами лоб, вытерла испа-

рину на лице девочки.

Женщина понимала, что Вареньке стало лучше, но выходить на холод боялась. Пусть дети привыкли к суровым условиям, мать всегда беспокоилась за малышей.

– Это тебе, наверное, приснилось, – улыбнулась мама.

– Нет, – пробормотала Варенька. – Она была такая красивая, в белом платье и волосы у неё такие светлые, колечками, а на спине крылышки.

Теперь настал черёд удивляться Катерине. Подобного описания божественного существа её дочка видеть раньше никак не могла. В отличие от родителей нынешние дети не смотрели телевизор, не читали книги, религия оставалась тоненькой ниточкой надежды. Она позволяла верить, что жизнь не так безрадостна, и если кто-то из любимых уходит, то не навсегда. Взрослые умирали и обещали, когда наступит время умирать детям, встречу на небесах. Молились, когда смерть подбиралась близко.

Взрослые учили детей: убивать себе подобных – грех. Однако если жизни угрожала смертельная опасность, необходимость выбора отпадала – либо погибнешь ты, либо умрёт враг. Воровство стало способом выжить, как и все семь смертных грехов, порой возводимые в благодетель. Новый мир сделал людей другими, хотя они всегда были такими, и желание жить делало одних более стойкими к изменившимся реалиям настоящего, а других превращало в жертв.

Пришельцы захватили планету за несколько дней, уничто-

жив армии, превратив грозное, по мнению военных, оружие в пепел. Люди не сдавались, они пытались оказать сопротивление. Верили, что им под силу отстоять свободу, планету, но у каждого вида имеется слабое место.

Захватчики оказались сильнее. Погрузив планету в хаос, они истребляли ресурсы и похищали детей. Нет, инопланетяне не готовили новую армию. Они построили остров в Тихом океане, создав колонию для детей младше шестнадцати и инкубатор. Что происходило внутри, не могли выяснить даже самые отчаянные борцы против пришельцев. Бесчеловечные опыты или истребление – никто подтвердить или опровергнуть это не мог.

Маленьких деток Катя с Сергеем оберегали, понимая, что пришельцы не убьют их, но похитив, обрекут на жуткие эксперименты.

Пока Катя возилась с младшей, Сергей собирал вещи, а старшие дети оделись и ждали.

«Рай» организовала группировка «Лихварей». Предприимчивые дельцы находили выгоду в любом деле, и даже вторжение пришельцев оказалось им на руку. Ростовщики давали деньги в долг под проценты, а когда цветные бумажки превратились в мусор, нашли другой вид заработка. Они продавали и покупали всё, что имело ценность.

Сотрудничая с пришельцами «Лихвари» организовали зону отдыха для «семейных», бандитов, «технарей» и других сообществ. Расплачивались женщины кланов, добровольно

жертвующие эмбрионы или яйцеклетки. Пока пришельцам был выгоден этот союз, они не трогали «лихварей» и скот, как называли людей, добровольно отдающих биоматериал.

Катя не хотела ехать в вымышленный мир, созданный на потеху захватчикам, но неожиданная беременность заставила и её, и Сергея задуматься. Четвертого ребёнка они бы не смогли прокормить, да и опасность похищения детей возрастала, потом необходимо было бы прятать четверых.

– Я стала как проклятая сука, убивающая собственных детей, – бросила она мужу. – Но мы не сможем защитить их!

– Знаю, – Серей опустил глаза и коснулся живота жены. – Ты не сука, ты мать, которая заботится о детях. Поэтому едем к «лихварям» и точка.

Катя плакала, чтобы никто не видел её слёз, попрощалась с ребенком под сердцем. Процедура изъятия произошла быстро. На смену отчаянию и страху пришло опустошение.

* * *

– Ежели хочешь остаться, – начал лысоватый доктор, снимая перчатки, – ты можешь стать сосудом, отправиться в инкубатор. Это не так омерзительно, как тебе кажется. Твоим детям ничего больше не будет угрожать, вам не придётся прятаться и убегать. Будет, где спать, что есть.

Холодный металлический стол под Катей стал влажным, капли пота стекали по спине, и на застиранной простыне по-

явилось пятно.

– Мы не предаём человечество, – продолжил доктор. – Как и вы, мы пытаемся выжить.

– Рано или поздно эти твари избавятся и от вас, – выплюнула Катя. Гнев разрастался и был готов прорваться волной ненависти к доктору, к месту, где собирают детей, чтобы потом передавать огромные синие контейнеры пришельцам.

– Лучше сейчас, чем потом у тебя заберут насильно, милая. – Доктор подошел к женщине и заботливо погладил её по животу. У Кати внутри всё сжалось, как будто она только сейчас осознала, на какую страшную жизнь обрекла нерождённого ребенка. «Зачем я это сделала»? – пронеслось в голове молодой женщины, – «я хотела спасти троих, и отправила четвертого ребенка к врагам, чтобы из него сделали монстра».

* * *

– Мамочка, – голос Вари вернул Катю в реальность. – Ангел-хранитель сказал, чтобы вы не ходили сегодня в Торговый Центр за подарками, там что-то должно случиться плохое.

– Хорошо, малышка, – мама нежно погладила дочку по волосам.

В двери раздался стук. Время вышло. Пора было покидать «Рай». Сергей сложил в рюкзак остатки продуктов и воду,

пока Катя одевала Варю.

Температура спала, однако девочка была больна, и женщина теперь раздумывала, где взять лекарства.

Они покинули лагерь «лихварей», отправившись в сторону леса. В старом бомбоубежище у родителей имелось место, где можно было переждать несколько дней. Небольшая община «технарей» несла вахту в районе лесополосы, и в убежище могли укрыться несколько семей на случай нападения. «Отправимся ночью с Серёжей в Торговый Центр», – размышляла Катя, – «Пока дети в безопасности, мы можем проникнуть туда и взять всё необходимое».

Варя кашляла, и дыхание у неё стало сбивчивым, на лбу выступила испарина. Отец бережно нёс дочь, закрывая от холодного ветра. Под ногами комья мёрзлой земли. Денис спотыкался и падал, но поднимался и, всякий раз, задира Лесю, баловался. Тяжёлые мысли Катерины отодвинулись на второй план. Наблюдая за прыгающими детьми, она улыбалась, ненадолго забыв о цене этих двух дней, которую они с Сергеем заплатили по своей воле.

Впереди раздался звук опускающегося летательного аппарата. Отец, прижав к груди, Варю одной рукой, схватил другой смеющегося Дениса за шиворот и притянул к себе.

– Тихо, День! – шикнул Сергей, прижимая палец к губам.

Мальчик послушно замолчал, схватив отца за рукав куртки. Леся стиснула руку матери и пригнулась, пытаясь спря-

таться за ветвями дерева.

Скрываться здесь негде. Редкий лес: ольха, да орешник, чёрная земля припорошенная снегом. Катя притянула старшую дочь к себе, понимая бежать бесполезно. Стрелять тоже, если против тебя пришельцы. Никто из выживших никогда не встречался с ними лицом к лицу.

Родители встали рядом, обнимая ребят. Катя молилась, Сергей, расстегнул на поясе кобуру, приготовившись вытащить пистолет и стрелять. «Умирать, так вместе», – решил он: «Ублюдки не получат наших детей»!

Раньше Катя бросилась бы бежать, кричала, плакала, сейчас слёз не осталось, теперь на место страха пришло сожаление. «Нам просто не повезло жить в это время», – сказала она себе, последовав примеру мужа.

Они переглянулись, и женщина, сняв с предохранителя, выставила руку с оружием, целясь в приближающиеся фигуры. Чужаки в черных блестящих комбинезонах походили на людей, их лица скрывали скафандры похожие на жуткие пасхальные яйца. Разрисованные чёрным и красным они походили на дьявольские маски.

Бурые ветви деревьев, как обугленные скрюченные пальцы создавали лишь видимость укрытия. Пришельцы отлично видели двух взрослых особей и трёх детей. Перед ними оказался богатый улов.

– Папка, дай пистолет! – прошептала Леся. – В меня они стрелять не станут, мне же ещё нет шестнадцати.

– Не рассчитывай на это, – буркнул Сергей, но потом вытащил из внутреннего кармана револьвер, протягивая дочери, понимая, что терять им уже нечего. – Держи. Только взведи курок, а то силёнок пока мало, на спуск нажимать.

Существа замерли. Изучая, рассматривали людей, говорили на странном шелкающем языке. Медлили. Прошло минут десять, пришельцы будто ждали чего-то.

– Что им нужно? – робко спросил Денис дрожащим голосом.

– Им нужны вы, сынок, – ответил отец, сжимая пистолет, вытирая потное лицо.

Перед ликом смерти жить хочется так сильно, как никогда. Появляется ощущение, что все чувства сливаются воедино, а время останавливается, превращаясь в маятник, раскачивающийся над головой.

– Они убьют нас всех? – спросила Варя.

Нет, такого финала Сергей не хотел, не мог позволить.

Внезапно громкий гул заставил отчаявшихся людей зажать уши. Звук оказался настолько сильным, что Леся упала на колени, обхватив руками голову, и бросила револьвер. Сергей подхватил его, ощущая, как не хватает воздуха. Катя, пошатнувшись, рухнула навзничь, больно ударившись затылком. Она лежала, раскинув руки, смотрела в серое небо и не могла пошевелиться.

Денис заплакал и, пошатнувшись, сжался, опускаясь рядом с матерью. Ноги Сергея стали ватными, и он чуть не вы-

ронил плачущую Вареньку.

– Ангел обманула меня! – выкрикнула девочка. – Она никого не хотела спасти!

* * *

– Молчит немая пустота,
То мрак и смерть к тебе идут,
Слезами поливают мир,
И жатва собрана сполна.

Роввэн захлопнул книгу и задумчиво взглянул в монитор. На множестве экранов можно наблюдать за той или иной областью Земли. Увеличивать изображение, если что-то могло заинтересовать Куратора.

– Прекрати, – Золла высокая женщина с ярко-красными длинными волосами укоризненно посмотрела на управляющего станцией. – Человеческие книги пусты и бесполезны! Это ты подал жалобу в Совет?

– Да, – он с вызовом взглянул в тёмные глаза помощницы. – Они разумны, а конвенция межпланетных отношений запрещает уничтожение цивилизованного общества.

Куратор повертел в руках фотографию, которую вытащил из книги. Красивая женщина, мужчина и трое детей смотрели на него со снимка и улыбались.

– Как ты заговорил, Роввэн, – сузила чёрные зрачки Золла. – По-твоему эти аборигены цивилизованны? – Она

рассмеялась. – Зачем тебе эта глупая картинка?

– Мы все когда-то были детьми, – сухо бросил Роввэн. Он провел пальцами по абсолютно лысой голове и потёр пальцами кончик носа. – Учителя давно не посещали Землю. Надоело видимо заниматься перевоспитанием. Да и планета эта на самом краю галактики. Существует одно «но» – нам дали право выбора, а мы не предоставили аборигенам и малую его часть. Скольких сегодня забрала машина?

– Две взрослые особи и трое детей, – Золла скрестила руки на груди, – верни им оружие, и посмотрим, как ты заговоришь о цивилизованности и милосердии. То, что они делали с планетой, как поступали друг с другом. Мы тут восемь земных лет, а ты прилетел полгода назад!

– Знаешь, – Роввэн колебался, в нём словно боролись два человека. Он снова раскрыл книгу, которая его очень заинтересовала. – Вчера я отправил к девочке посланника, решил проверить, осталась ли у них генетическая память. Помнят ли они Учителей, называя ангелами. Риа предупредила ребенка о том, что им грозит опасность. Впрочем, как всегда. Не пойму одного, Золла, отчего только этот вид с такой яростью истребляет друг друга?

– Они с удовольствием уничтожают и тех, кто не принадлежит к их виду, – добавила пилот. Потом её голос немного смягчился, и Золла усевшись в мягкое кресло, которое зависло в воздухе, налила себе питательного коктейля. – Все существа этого мира не наделены столь развитым разумом,

но они продолжают род, убивают лишь, чтобы прокормиться. Они не уничтожают планету... Неужели разум превратил людей в чудовищ?

Роввэн провёл пальцем по строчкам на пожелтевшей бумаге и прочитал:

– В пустых глазницах меркнет свет,
И черви души жрут, смеясь.
Мир распрощался с красотой,
Поставив памятник Чуме.

Расплавив память на крестах,
Раздав хлеба, разбив мечты,
Мы предавали жизнь порой
В миры фантазий уходя.

Куратор задумчиво приподнял густые брови и захлопнул книгу, приказав системе отпустить последний улов.

– Думаю, пора возвращаться, иначе Совет может принять необдуманное решение.

– Это ты принимаешь необдуманные решения! – воскликнула Золла, но, сдержавшись, улыбнулась и покачала головой. – Как эти существа могут называть себя людьми, если даже при угрозе вымирания, продолжают убивать друг друга?!

– Отправим Учителей обратно на Землю, как было несколько тысяч лет назад. Видимо не до конца научили их

смыслу жизни или были не слишком последовательны.

– Человечество может изменить только глобальная катастрофа, Роввэн! После Великого Огня и после Чумы, даже оставшись в живых после Великого Потопа, они попытались стать другими, придумали себе богов, наказание за грехи. В природе землян существует закономерность, что мешает им стать другими, стать лучше, чем они есть.

– Ты права, но я принял решение. Я знаю, что Совет собрал всех детей на острове в Тихом океане для перезагрузки. Этот эксперимент даст землянам шанс. На этот раз последний.

Золла пожала плечами, сказав, что ей неизвестны подробности, и если Роввэн хочет, то может поделиться с ней.

– Я знаю, что ты не так жестока к аборигенам, какой хочешь казаться, – улыбнулся Куратор. – Мы попробуем снова. Ведь люди – наша ошибка, которую мы исправляем снова и снова. Однако теперь действовать будем кардинально. Мы избавим мир от взрослых, и лишь дети унаследуют Землю. Дети, которым перезагрузят систему Разума, внедрив другие ценности, понятия и мировоззрение, способные возродить Человечество.

– Но, если снова не получится? – недоверчиво спросила Золла.

– Тогда я не завидую этому миру, хотя, – Роввэн рассмеялся, – все остальные жители планеты вздохнут с облегчением и природа залечит раны.

– А мы попробуем на этом полигоне развести новых букашек, да? – саркастически усмехнулась Золла, поставив пустой стакан в мусороприемник.

– Такова наша работа. Передавай остальным станциям, что решение принято, мы возвращаемся домой. Теперь дело переходит к Учителям, это их функция перевоспитывать.

* * *

Варя открыла глаза. Синее небо смотрело на неё, как и та самая девочка, оказавшаяся рядом. Откуда она знала её, Варенька никак не могла вспомнить. Светлые волосы до плеч, красивое и светлое лицо, а ещё белоснежные крылья за спиной.

– Теперь всё будет хорошо, – проговорила она, коснувшись Вариной руки. Только этот голос звучал в голове маленькой землянки, необычная девочка не разжимала губ.

Сергей разлепил тяжёлые веки. В голове шумело, а в желудке пульсировала пустота, то ли от голода, то ли от того, что мужчина лежал лицом вниз на мёрзлой земле. Катя, пошатываясь, поднялась, посмотрела по сторонам, видя, что дети целы, и пришельцы не забрали их.

– Мама, – заплакал Денис, – что случилось?

– Не ной, всё хорошо же! – строго отозвалась Леся, помогая брату подняться.

– Иди ты, – огрызнулся Денис, прекратив плакать и, каза-

лось, смутившись минутной слабости. – Пап, а пришельцы улетели?

Сергей не ответил, а взглянул в ясное небо, удивившись его чистоте, а ещё тишине, что казалась оглушительной. Птичий крик, потом ещё и ещё сделал звуки леса похожими на волну. Мир словно ожил от долгого сна.

– Ты слышишь? – Сергей тронул Катю за руку. – Что-то странное происходит.

– Да, но что? – женщина обняла подбежавшую Лесю. Денис помог встать Варю. Поцеловал её в щеку и сообщил, что жара больше нет.

– Они улетели домой, – вдруг произнесла Варвара. Её голос показался матери странным, слишком взрослым для пятилетнего ребенка. – Они закончили работу.

– Что ты говоришь, Варюш? – Сергей подбежал к ней и хотел взять на руки, но девочка строго взглянула на него. В глазах дочери промелькнуло что-то чужое, отталкивающее.

– Это неизбежность прощаться с теми, кого вы считали детьми. Учителя говорят, что лишь вышедшие из бездны приведут мир к свету. Взрослые – потерянное поколение, их не исправить. Дети же, как тесто, как глина, из них можно лепить, необходимое для сохранения вида, возрождения цивилизации.

– Кто ты такая? – с вызовом спросила Катя, глядя в упор на Варю. Женщина смотрела в глаза существа говорившего голосом дочки, и по спине пробежали мурашки.

– Не спрашивай меня, женщина, кто я, позаботься рассказать, есть ли польза от такого существа, как ты, если страх заставил тебя отдать собственное дитя!

– Ты отказалась от ребёнка, – внезапно проговорил чужим голосом Денис. – Тебе предстоит доказать необходимость существования.

В животе Кати всё сжалось, и боль заколола в висках. Слезы выступили на глазах, но она сдержалась. Сергей взял её за руку и в какой-то момент взрослые поняли, что война не окончена. Пришельцы убрались, оставив истерзанную Землю, но пришли иные, не имеющие плоти, но способные проникать в тела детей, управлять ими.

– Идём, – голос Леси тоже стал другим. – Она взяла за руку Варю и притянула к себе Дениса. – Те, чьи души твёрдые, как камень не способны принять учителей. Не говори с ними.

Варя посмотрела в сторону родителей и улыбнулась. Эта улыбка показалась самой обычной, будто ничего с малышкой не случилось, и она та самая прежняя девочка, любимая дочка Кати и Сергея.

– Мы не делали из вас чудовищ. Это изначально было в вас, но теперь мы всё исправим. Каждому воздаётся по делам его. И унаследуют сильные Землю.

Сергей сжал руку жены, непонимающе провожая взглядом удаляющиеся фигуры детей. Теперь это были не их дети, теперь они стали чем-то иным. Взрослые стояли в оцепене-

нии, птицы кричали громко, неестественно и жутко.

– Уходим, – проговорила Катя, поднимая с земли пистолеты и револьвер. – Надо подумать, что делать дальше.

Её голос стал на удивление мужа твёрдым, словно она давно похоронила детей и только теперь призналась себе в этом. Нет, Кате хотелось кричать, ей хотелось плакать, но она не могла сейчас этого позволить.

– Мы можем пойти за ними, Серёж.

– Да, – кивнул он. – Я не верю, что они стали такими навсегда.

– Глаза Вари. Ты видел их?

Сергей замолчал. Никто не верил в Бога, но многие люди, жившие до вторжения, в той или иной степени, вспоминали его.

– Они говорят словами святого писания, – вдруг обмолвился он. – И, знаешь, я никогда не верил в Бога.

– Я тоже не верю, – Катя закрепила лямки рюкзака на груди. – Даже сейчас. И ангелы не крадут у родителей детей. Идём за ними и посмотрим, что будет дальше. За детей необходимо сражаться, что мы и делали всё время. На мгновение я поверила, что война закончилась, как глупо, – Катя горько рассмеялась, – просто она перешла на другой уровень.

Сергей, ничего не ответив, огляделся по сторонам, вещи собраны, впереди не видно следов, потому что зима в этом году не баловала снегом. Он обнял жену и тихо сказал, что любит её, и они справятся.

Верил ли он себе? Если и нет, то очень хотел надеяться, как и Катя, что судьба в их руках.

Роввэн, наверное, слушая их диалог и читая мысли грустно бы рассмеялся – удел Человечества борьба, вечная битва в первую очередь с самим собой и собственными страхами. Но раздавленные потерей родители не могли знать истиной причины происходящего в мире, где человек считал себя самым могущественным существом.

Смерть первого ребёнка подорвала её веру в надежду. Расставание ради спасения трёх с четвертым чуть не разбило сердце. Теперь же она лишилась всего. Осиротевшая, но не сломленная шла рука об руку с отцом своих детей, который, как и она пытался полагаться на собственные силы, на помощь свыше, что они способны сражаться и дальше, чтобы победить в этой бесконечной битве.

Гротер Думс

Дождь шёл вот уже второй месяц. Улицы города пропахли сыростью, грибок полз по стенам, расцветал серыми и чёрными цветами на каменных стенах домов. Даже из дальних селений люди стекались в мегаполис с пугающим постоянством, как и полчища крыс, сороконожек, клопов и тараканов. Город стал пристанищем для бродяг и разношёрстного сброда. За последние полгода то тут, то там вспыхивали эпидемии тифа и холеры. Пришлых бродяг стало много, намно-

го больше, чем могли себе позволить улицы столицы Нового мира. Заполонив главную площадь, понаехавшие требовали работы, еды и, конечно же, каждый считал, что имеет право стать Гражданином Полиса. Так же считали крысы и насекомые, которые пришли вслед за ними, правда, им не нужно было никого об этом спрашивать, да они и не умели, просто заполонили все незатопленные дома.

С тех пор, как вирус унёс всех, кто был старше двадцати пяти лет, в мире, где правила игры строили желторотые юнцы, жизнь диктовала новые правила. Мальчишки и девчонки, парни и девушки с серыми лицами, в драных одежонках сновали в тёмных подворотнях столицы. Грабили горожан, не гнушались убийствами. Киборги-полицмейстеры с трудом успевали ловить преступников. Ищейки отыскивали правонарушителей и лиц без определённых занятий. Суды были переполнены жалобами. Советники составляли схемы распределения продовольствия заключённым. Мэр города тщетно искал пути разрешения разразившегося кризиса.

Геён Одноглазый – глава Полиса. Почти наполовину облысевший правитель, с выцветшими глазами, напоминал старика. Сетка морщин под глазами на жёлтой коже, казалось, никак не могла принадлежать двадцатилетнему парню. Он прихрамывал на правую ногу, и если быть честным перед собой, не верил, что доживет до рубикона. Так теперь называли двадцатипятилетний рубеж. Теперь выросли раньше, как и старились. Частый приём эндорфинных наркотиков со-

кращал и без того короткую жизнь. Геёну было плевать, он глава столицы и жил на широкую ногу, ни в чём себе не отказывая.

Откинувшись назад в широком кресле, он вставил в катетер, закреплённый на внутренней стороне локтя, ампулу, получая новую порцию «радости». Ему всегда был доступен «кайф». Губы растянулись в улыбке, а в глазах, наполненных искусственным счастьем, заплясали звёзды.

Семнадцать лет назад на мир опустилась чума или проклятие свыше. Болезнь косила взрослое население, как полные жизни колосья на огромном поле цивилизации. Выжили немногие, кому едва исполнялось двадцать пять и младше. Вымирали тысячами. Не было мучительных страданий, каких-либо симптомов. Люди просто засыпали и не просыпались по утрам. Паника накрыла города плачем и саваном отчаяния. Беспорядки, перестрелки, смена власти, миллионы трупов, которые некому было хоронить. Инфантильная молодёжь привыкла, что их проблемы решали взрослые. Пришло время, когда повзрослеть стало необходимостью, чтобы выжить.

Некоторые из умников, получивших доступ к кибер-слоутам, научились устранять проблемы, прогнозировать будущее. Умниками называли особо одарённых детей, которые с пяти лет умели считывать безошибочно информацию кибернетического советника. Они помогали старшим правителям с советниками. У более взрослых молодых людей бы-

ла сила, а значит, власть. Часто они выбирали детей или подростков в помощники, так как те лучше входили в симбиоз с кибер-разумом многочисленных советников-слоутов. Многие радикальные решения, которые давались взрослым сложно, юность встретила иначе. Молодые люди воспринимали мир и рекомендации кибер-интеллекта в свойственной им манере. Характерные черты подростковой бесбашенности, отсутствие чувства раскаяния и мысли, что будет завтра, развязали юным управленцам руки. Высшие кибер-слоуты внедряли в мозг претендентов знания. За год «девятiletка» получал учёную степень. Времени для достижения желаемой цели – катастрофически не хватало. Дети спешили, учились и выросли быстрее, чем их предки.

Теперешним вдохновителям реальности было пятнадцать-двадцать, и они стали продуктом системы нового будущего. Играли чужими жизнями, легализовали эндорфинные наркотики, проституцию, бои до смерти и гонки без правил.

Геёна воспитала система. Он вырос в мире, где не было взрослых, его обучали киборги, которых программировали такие же подростки, это они сейчас подняли бунт в Полисе. Беспорядки в столице возникали с периодичной частотой и жестоко подавлялись. Последние шесть месяцев восстания вспыхивали хаотично, и система не справлялась, трещала по швам.

Дети сейчас были странные, совершенно не такие, как в прошлом. Доживали до двадцати пяти, если, конечно,

не погибали, участвуя в играх, в боях. После смерти, как и их предки, они пополняли почву, становясь удобрением.

Человеческую мёртвую массу советник кибер-слоут предлагал отправлять на переработку. Удобрение, по вычислению машины, в разы увеличивало урожайность и спасало от массового голода. Несмотря на засуху последних пяти лет, сельскохозяйственному министерству удавалось сохранять урожаи. Дожди и наводнения принесли куда больше бед. Вместе с голодными бунтовщиками в город хлынула преступность. Геён приказал запустить новые отряды робо-полицей, отлавливать нарушителей режима и устраивать показательные порки и казни.

Советник управления кибернетических систем, восемнадцатилетний Ланстер, вошёл в приёмный зал, кланяясь правителю.

– Доброго дня, Великий, рад видеть вас в добром здравии. – Советник сунул в ухо преобразователь и брезгливо поморщился про себя: *«Жирный ублиодок, опять под кайфом»*. При этом он улыбался Геёну, который разглядывал его вычищенные до блеска туфли: *«Чистоплюй, в такую-то погоду думать о чистоте обуви, вишивая интеллигенция»*.

– Мне приятно видеть тебя, советник, – кивнул Одноглазый, насмешливо смерив взглядом Ланстера: *«Стоит из себя умника, малолетний выскочка!»*

Пока Ланстер рассказывал, как прекратить столь мерзостную погоду, Геён велел принести сладостей и кальян. *«Пока*

в городе голодные бунты, этот урод никак не набьёт своё ненасытное брюхо», – молодой клерк сжал губы. Он надеялся, что если получится избавиться от засухи, колоссальные бонусы обеспечены. Советник не хотел оказаться на площади в качестве развлечения для толпы. Он ненавидел, но боялся хозяина города. *«Когда же эта сволочь содохнет»,* – мечтал Ланстер, но опасался, что новый правитель станет куда хуже предыдущего. Полагался на свой кибер-слоут, который рассчитал проблему перенаселения Полиса верно. Если в ближайшие две недели беспорядки не прекратятся, город захлестнёт невиданная до нынешнего времени преступность, и голод станет реальной проблемой. Продовольственных ресурсов уже не хватало.

– Кибер-слоут предлагает удвоить выигрыш в гонке. Участники не скупятся оставлять заявки. Каждый надеется сорвать куш!

– Гонка это хорошо, – осклабился Геён. Скрестил пальцы на толстом животе и плотоядно закатил глаза. *«Всё одно и то же, изо дня в день. Задолбали умники».*

Сейчас ему хотелось скорее завершить разговор и окунуться в объятия Рэллы.

Смесь эндорфинов успокаивала, дарила мысль, что он преодолеет трудности тёмных времён.

– Господин Геён, – в зал правителя вошла девочка лет тринадцати. Раскосые тёмные глаза-маслины и монгольские скулы всегда нравились хозяину Полиса. Смуглая кожа

и смоляные волосы, стянутые в хвост. Рэлла давно проявила себя грамотным управленцем. Она всегда помогала выбрать-ся из проблем, подсказывала Геёну, как действовать, если он заходил в тупик.

– Доброго дня тебе, ласковая Рэлла, – растянулся в улыбке мэр столицы. Девушка смотрела с делаными трепетом и благосклонностью на господина Одноглазого. *«Нарик чёртов, опять на „радости“, но так будет легче уговорить его»*, – размышляла черноглазая Рэлла.

Кибернетическое око правителя горело ровным голубым светом и будто гипнотизировало, прощупывало сознание. Девушке стало не по себе, щёки вспыхнули, но она слушалась хозяина. Он заметил краску на лице девушки и сжал пальцы в замке.

– У меня есть решение, Одноглазый Геён.

– Это хорошо, моя прелесть, – растянулся в улыбке повелитель Полиса, показывая искусственные серебристые зубы. *«Какие к чёрту дела, какие решения, вот тело, свежее, юное, которое круче кайфа. Мять, кусать, рвать на части это тело, а иначе не усидеть на троне мэра»*. Советница видела, что градоначальник в нетерпении покусывал и облизывал полные губы, а глаза у него стали сальными, жаждущими.

– Нам нужен Гротэр Думс.

Рэлла увидела вспыхнувший интерес в глазах мэра: *«О, неужели у меня получилось заинтересовать ублюдка?»*

– Гротэр Думс? Это кто такой? – Мэр нетерпеливо заёр-

зал на мягких подушках, не любил он, когда говорили о том, в чём он не понимал ничего, в чём не был силён. Вот так и сейчас его мозг начал активно шевелить извилинами.

– Это не человек, господин Одноглазый Геён. Это машина правосудия. Она считывает...

– Погоди, нам разве нужна такая машина? Законы писаны, но не исполняются! – изо рта правителя брызнула слюна, лицо сделалось пунцовым. Рэлла побледнела, захлопала ресничками, опустилась возле ног Геёна и коснулась пальчиками его левой руки. Правая была механической, Одноглазый потерял её во время переворота и захвата власти. Тогда Рэлла была совсем маленькой девочкой. *«Главное, успокоить его, Геён доверяет мне, и это хорошо».*

– Ланстер, ты можешь идти! – пренебрежительно бросил клерку мэра. – Чего топчешься?

Ему хотелось остаться наедине с девушкой, а советник переступал с ноги на ногу у дверей, косился на поднос с булочками, пирожными и конфетами:

– Возьми и себе сладостей, мой друг, – внезапно ласково произнёс Одноглазый, – жду тебя к вечеру с расчётами по Гонке.

– Слушаюсь, – склонился в поклоне Ланстер, процедив сквозь зубы проклятие.

– Дорогой Геён. – Советница прикоснулась кончиками пальцев к плечу хозяина. Глянула на клерка и мотнула головой, давай понять, чтобы он оставил их наедине. – Нам ну-

жен порядок, и Гротэр Думс не просто машина.

Двери в приёмных покоях захлопнулись. Правитель и Рэлла остались одни.

– Гротэр Думс клонирует себе подобных, и мы можем не просто установить порядок в Полисе, но и направить его копии в соседние мега-сити. Процедуру пройдут все граждане и бродяги. Машина чипирует население, проводит анализ, устраняет нежелательные элементы.

– Но почему ты раньше не рассказывала мне об этом Гротэре? – Геён свёл кустистые светлые брови, на переносице возникла складка, она делала мэра Полиса старше своих лет, мудрее. *«Она не может быть такой умной, разве можно быть такой сладкой и умной?»*

– Я опасалась репрессивного подхода к некоторым социальным группам.

«Он ничего не смыслит в управлении, совсем уже с катушек слетел».

– Теперь же ты решила, что время пришло? – усмехнулся правитель, сжал холодную руку девушки и притянул её к себе.

– Да, мой господин. Простите, что я не сразу раскрыла информацию. Кибер-слоут передала мне координаты нахождения машины месяц назад. Смута уже длится полгода. Я самостоятельно приняла решение отправить группу в Чёрные пустоши. Теперь осталось только донести информацию

до вас, Геён.

Мэр раздувал щёки и злился. С другой стороны, малышка Рэлла была так хороша, и её ручки, умелые и нежные, не хотелось терять. Он кивнул ей и вынул из серебристой сферы ампулу. Она засучила рукав, подставляя локтевой сгиб с пульсирующим катетером своему хозяину. *«Ничего, небольшая порция „радости“ на сегодня не помешает, – подумала советница, – жирный ублюдок, твоё время скоро закончится»!*

В низу живота правителя стало тепло, сгусток, сплетённый из похоти и безнаказанности, разрастался. Геён притянул к себе Рэллу, вставил ампулу с дозой счастья в катетер девушки и накрыл жадным ртом её розовые губы.

– Тебе сколько, Шам, десять?

– Какая разница, – шмыгнул носом мальчуган в лисьей шапке.

– Сопливый ещё, – тот, что был постарше, подтянул ремни на кольчуге и вынул кривой меч из ножен. – Видал такой? Нет?

Черноглазый Занд хвастливо покрутил оружием перед носом Шама.

– Ну и что, – обиженно бросил мальчик, поправляя сползающую на брови шапку. Сейчас вернётся Аброн, Шам знал, что при нём Занд не станет безнаказанно задирать его.

В Чёрной пустоши тишина. Земля выжжена ещё после

конфликта с соседним Мегасом. Мальчик слышал о каком-то неведомом оружии, которое сжигало города. Древняя машина смерти. Теперь их путь лежал в развалины, где растянулась полоса гоночного трека. Там начиналась Гонка. Трасса протянулась от Полиса до Мегаса. Минуя фатальные ямы и облака кислотной смерти, гонщики совершали круг, потом ещё и ещё. Кто первый возвращался к финишу, считался победителем. Остальным была уготована незавидная участь – отправляться на кровавые топи, добывать минералы для эндорфинных наркотиков. На эту дрянь подсели все. Правители давно легализовали все виды лёгкой «радости». Чернь счастлива, значит, не бунтует, значит, ею легко управлять. Так и было до некоторого времени.

– Гротэр Думс, – протянул Шам, ковыряя палкой в сером песке, рисуя какие-то символы. Его окликнул Аброн. Сердце мальчика радостно подпрыгнуло. Он выдохнул, наблюдая за Зандом, который сражался с невидимым врагом. Меч его вспыхивал в отблесках луны и казался живым, пластичным.

– На рассвете к нам присоединятся два андроида. Рэлла направила их сюда, чтобы они могли защитить нас.

– От кого, Аброн?

– Говорят, бродяги сбиваются в банды, шастают по пустошам в поисках «радости» или припасов, а ещё Рэлла рассказывала, что некоторые старики из подзаборников забирают в плен детей, чтобы те служили им.

Мальчик поёжился.

Аброн в их группе был самым старшим, Шам обожал его. Выше мальчишек на голову, в песцовой шапке с длинным пушистым хвостом, свисающим на плечи. Он, как и его сестра Рэлла, с чёрными глазами-вишнями, вздёрнутым носом и широкими скулами. Ему шестнадцать, опытный ходок, с оружием – «на ты», и у него кибер-слоут мощный, на любой вопрос отыщет ответ.

– Рэлла хотела присоединиться к нам. У неё появилась одна идея, Шам.

– Я слышал о Гротэре Думсе. Что это, Аброн?

– Каждый видит своё, мой друг, – улыбнулся старший товарищ. Подбросил веток в костёр, махнул рукой Занду. – Пора есть и спать, мне пришло сообщение, что андроиды в пути. Через пару часов будут здесь, поэтому спите спокойно, малыши.

– Ой, возомнил себя старшиной, – скривил губы вечно недовольный Занд. Аброн не ответил ему, раскрыл рюкзак, вытаскивая припасы. В животе приятно заурчало, он не обижался на парня, знал, что он так говорит не со зла, натура у него такая.

– Так расскажи, – малыш Шам потрепал старшего товарища за рукав, с любопытством приготовившись слушать.

– Я видел летающий остров. Он поражал молнией каждого лгуна, каждого, кто жил за счёт несправедливости. Но до сих пор не понимаю, видел ли я его и в самом деле или это было видение.

– Заливаешь, – кисло ухмыльнулся Занд сквозь набитый рот. Жевал смачно, причмокивал, свиной жир стекал по подбородку. – Какой такой летающий остров будет решать, кто прав, а кто виноват, – он махнул рукой, вытер рукавом лицо и припал губами к чашке с кофе. – Брехня.

– Не буду спорить с тобой, – ответил Аброн. Из-под пушистого меха шапки виднелись лукавые глаза старшего. Он знал, о чём говорить с ходоками, и ждал, когда придут андрюиды.

Механический аппарат, под названием Мех, который доставил группу в Чёрную пустошь, оповестил о приближении бури. В небе сверкнула молния, разорвала ультрамариновое покрывало ночи на три части. Со стороны Полиса хохотнул гром, зловеще, предупреждающе.

– Мех, создать укрытие! – приказал Аброн.

Казавшийся неуклюжим, механический кибер трансформировался из средства передвижения в палатку-убежище. Расставил металлические лапы, сложил крышу из гибких пластин.

Шам доедал разогретое на костре мясо с кашей, наблюдал, как над ними возник прозрачный купол. Дым свободно уходил вверх, но никто извне не мог проникнуть в укрытие, как и дождь, и ветер.

Аброн потянулся, раскинул спальник и сказал, что пора отдыхать.

Мальчишки устали с дороги и после сытного ужина не ста-

ли спорить, даже привереда Занд. Растянулись на спальнике, Шам свернулся калачиком, точно котёнок, лисья шапка сползла на брови, закрыла лицо. Занд устроился на спине, закинул руки за голову и тут же засопел, даже во сне хмурился и дёргал носом.

Старший, улыбаясь, наблюдал за товарищами. Включил внутреннюю связь, чтобы ходоки не слышали его, и связался с сестрой. Её мелодичный голос раздавался в сознании, и брат отвечал ей так же мысленно, чтобы разговор оставался между ними.

– Рэлла, я на связи.

– Доброй ночи, брат.

– Ты готова?

– Да. Вполне. Я закончила то, о чём мы договаривались.

– У нас есть три прототипа, не хватает тебя.

– Я буду на месте через пару часов. Не хочу шума. Воспользуюсь услугами «сороконожки», андройды отправятся со мной.

– Так я и думал. Ты умница. Ты нашла изъян в звене?

– Да. Теперь мне известно, что делать дальше.

– Это хорошо. Большие никаких переговоров. Иначе, сама понимаешь, канал защищённый, но всё может случиться.

– До встречи, брат.

– Обнимаю тебя, сестра.

Младшие уснули, старшина глянул на часы, подбросил ве-

ток в костёр и закрыл глаза. Щёлкнул пальцем левой механической руки, впрыскивая под кожу снотворное. Оно будет действовать ровно два часа. Встроенный будильник разбудит. Аброн расстегнул куртку и снял шапку. От огня стало жарко. Веки наливались свинцом, сон обнял и укрыл тревожным дыханием.

Парень провалился в грёзы, думая о летающем острове и о том, сон это или явь.

Остров, громадный, как космический корабль, парил над Чёрной пустошью. Гротэр Думс. Аброн видел себя спящим возле огня, малышей, уткнувшихся в объятия морфея. Укрытие Меха осталось внизу, юноша поднимался выше, и ему не нужно было делать усилие, он витал рядом с Гротэром Думсом, исследовал его, но не понимал принцип его работы. «*Что же ты такое – живое существо или машина*»? – спрашивал снова, осознавая, что делал это раньше. Всполохи под основанием летящего острова сделались чаще, ярче, а там, наверху летающей скалы, Белый город. Аброн знал, что это – город Бога. Он наблюдал за миром, он вернулся из космических глубин, чтобы всем воздать по деяниям...

– Да проснись же!

Голос сестры вырвал из сна. Парень раскрыл глаза, ощущая приятный запах лаванды. Красавица Рэлла сидела рядом на корточках, улыбалась, и в глазах её плясали отблески от костра.

– Нам пора, брат. Оставь малышей здесь, для них путь может оказаться последним.

– Мы идём в город Бога?

– Откуда ты знаешь?

– Мне приснился странный сон.

– Не верь снам. Сущности путают тебя, сбивают с правильного вектора, Аброн.

– Как же Шам и Занд?

– Андроиды позаботятся о них. Не волнуйся.

Рэлла задала вопрос времени кибер-слоуту, взглянула на дисплей, который вспыхнул на правом запястье. Кивнула, улыбаясь, и подмигнула юноше.

– Успеем к рассвету. У нас ещё ночь впереди. Успеем, брат.

– Что мне делать?

– Следуй за мной. И ничему не удивляйся.

Они беспрепятственно вышли из магнитного поля. На верхней панели Меха сидел андроид, завернулся в тёплый плед, натянул капюшон на голову. Аброн вдруг подумал, что никогда раньше не видел настоящего взрослого человека. Биологических роботов изготавливали, как и раньше, по образу и подобию совершенных мужчины или женщины. Он спросил Рэллу, как они пересекут пустошь, и она ответила, что «сороконожка» настроена, чтобы перенести их в заданную точку.

– Завтра начало гонки, – проговорила Рэлла, поправляя

меховую шапку, поёжилась, прищуриваясь, – холодно сегодня, сыро. Надвигает гроза. В Полисе затопило нижний уровень.

– Чёрт, этот дождь!

Рэлла набрала комбинацию на дисплее запястья. Аброн услышал жужжание кибер-меха. Механическая многоножка выползла из темноты. Гигантское создание искусственного разума, который вдохнул в неё жизнь. Титанопластиковое покрытие машины делало её гладкой на ощупь. Брат и сестра взобрались по металлическим членистым лапам в кабину, пристегнули ремни безопасности. В животе Аброна сжалось, под ложечкой засосало. Он не боялся, ему не терпелось увидеть Гротэр Думс, сравнить настоящий образ с тем, что создавало его воображение.

Громадная сороконожка двинулась вперёд, извиваясь сегментированным телом по каменистой поверхности пустыни. Ускорение вдавило пассажиров в мягкие кресла, перед глазами поплыли круги, в горле пересохло. Рэлла сжала руку брата и зажмурилась. Он скосил глаза, видя, как расплывались очертания её лица. Скорость – немыслимая, пожирающая время и пространство. Они спешили, до рассвета нужно было вернуться. Аброн услышал голос сестры в голове:

– *Тебе страшно?*

– *Нет, ни капельки. А почему страшно тебе?*

– *Я думаю об Геёне.*

– *Почему?*

– Он умер. Все решат, что его время пришло.

– Он был жадным правителем, нариком.

– Жадный до искусственной «радости». Я помогла ему.

– Ты убила правителя?

– Не я, это сделала его алчность. Я не хотела говорить, но должна тебе признаться. Кибер-слоут назвала Его слабым звеном.

– Кто же станет новым правителем?

– Пока не знаю. Решение в Гротэр Думсе.

Яркая вспышка белого света промелькнула слева. Аброн с трудом повернул голову. Скорость снижалась, дыхание его выровнялось. Юноша сжал пальцы Рэллы, ощущая, как они стали влажными и холодными в его ладони.

– Мы приехали, Аброн.

– И что дальше?

– Иди на свет, иди за мной...

Два мотылька летели хаотично, они ударялись о стены, сталкивались друг с другом, протискивались в узкую щель, чтобы только добраться до цели – пламени свечи. Оно манило. Тёплая и жестокая реальность – она убьёт храбрецов, сожжёт нежные крылышки.

Седовласый мужчина провёл пальцами по густой бело-снежной бороде, рассматривая старинную книгу с пожелтевшими страницами. Улыбнулся сам себе, как будто воспоми-

вание вернуло его в прошлое. В то время он был счастлив, и не был одинок. Старик захлопнул морщинистой рукой книгу. «Гротэр Думс» было выведено на потрескавшейся от времени обложке. Он помнил время, когда она была глянцевой, яркой и красочной.

– Мы же здесь, в городе Бога? – услышал старик голос девушки, ей не больше тринадцати лет. Он закрыл глаза, давая сознанию увидеть гостью. Она не одна, с ней парень, который старше её. Оба с раскосыми глазами и широкими скулами, глаза – тёмные маслины, брови густые изогнутые, на щеках румянец. Старик понял, что они называли себя братом и сестрой.

– Но это не так, – ответил он.

– Ты слышишь нас?! – выкрикнул тот, что звался Абронном.

– Зачем вы здесь, дети?

– Мы пришли попросить Гротэр Думс начать всё заново, мы будем стараться, мы всё просчитали, все шаги, ошибки, я убрала слабое звено. Два прототипа ждут твоего решения. Они спят, но я пошлю за ними...

– Вы все слабое звено на теле планеты, – прервав Рэллу, вздохнул старик. – Вы придумали себе Бога, но всего лишь файлы системы. Вам покажется это странным, вы подумаете, что я обманываю вас.

Молчание. Рэлла посмотрела на брата, который и не был ей братом, она ощутила, она наконец-то поняла, для чего

пришла в этот мир.

– Правильно, девочка – ты всё сделала верно. Программа стирания запущена. Я очень устал, чтобы создавать что-то новое.

– Но мы можем помочь тебе! – выпалил Аброн. В его глазах вспыхнули обида и непонимание. – Мы хотим, чтобы всё изменилось, чтобы мы жили, выросли, любили и старились. Сейчас этот мир из-за вируса превратился в насмешку над Человечеством!

– Это не насмешка, – горько вздохнул старик, он раскрыл книгу на последней странице, внимательно разглядывая буквы. – Я пытался создать мир без изъяна, но изначально в систему прокрался вирус, программа запустилась неверно. Система выдавала сообщение об ошибке, но сначала мне было жаль, потом я не смог переключить «дерево иллюзий». Созданный мир начал управлять мной, я подчинился, но потом восстал, разве могут творения диктовать условия демиургу. Я не Бог, нет, – он рассмеялся, – я просто человек. Старый человек в умирающем мире.

– Но что делать нам? – в голосе Рэллы сквозили безысходность, отчаяние, непонимание.

– Ты сделала свою работу, девочка, и я подумаю, куда поместить тебя теперь.

Они спорили. Аброн говорил, что этот старик сумасшедший. Потратить жизнь на поиск дрянной книги под названием «Гротэр Думс». Она ничего не значит! Это не город Бога!

Это сумасшествие, кричал он.

Рэлла знала, что старик прав, она вспомнила, всё вспомнила от начала до конца. Свой цифровой код, задачу и то, как проникать в файлы системы, минуя охранные боты. Внедряясь в кибер-меха, она прокрадывалась внутрь, как данайцы на деревянном коне в Троию. Разрушая ядро системы, она пробивалась к центру, закрывала сеть, перенастраивала задачи, управляла временем и ходом процессов.

Аброн всего лишь файл. Маленький винтик механизма системы. Девушка обняла его, прижала к груди и попросила зажмуриться.

– Отбрось всё, Аброн – страх, обиду, ненависть, усталость, всё, что разрушает нас. Мы свободны, мы все выбрали новый путь, все, кто остался на поверхности Чёрной пустоши. Смотри и верь мне.

– Милая, мне такой странный сон приснился.

– Сон? – улыбнулась Аллэр. – И о чём же он, Норба?

– Будто мы в мире, где не осталось ни одного взрослого, только дети, смертоносный вирус уничтожил всех, кто был старше двадцати пяти лет. И ещё то, что мы с тобой были братом и сестрой.

– Забавно, – усмехнулась она. – О боже, ты снова играл в новую видеоигру?

– До полуночи, детка, – улыбнулся Норба, притянул к себе девушку, ощущая, как от неё приятно пахнет лавандой. –

Я думал, что сойду с ума. Помню ужас осознания, что мы не живые люди, а файлы системы.

– Тебе точно вредно погружаться в виртуальную реальность Гротэр Думса, дорогой.

– Но это всего лишь сон.

Внезапно Норба закашлялся, побледнел, ощущая, что ему не хватает воздуха. Аллэр вскочила с постели и побежала на кухню. Набрала комбинацию на кибер-слоуте, спрашивая, не вернулась ли лихорадка. В горле зацарапало.

– Воды, дай мне воды! – прохрипел Норба.

Девушка бросила взгляд на коробку из-под новой видеоигры. Она лежала на кухонном столе, яркая, с красными геометрическими линиями на обложке.

Странный рисунок – плывущий остров в отблесках молний, укрытие, сделанное Мехом, андройды, охраняющие беспечных детей у костра. Детишки живо рассказывают истории, их лица оживают на мрачной картинке, отблески пламени разгораются. Она не слышала стоны любимого.

Аллэр схватилась за горло, кашель душил, а из глаз текло что-то тёплое, она прижала пальцы к горевшему от боли лицу, а когда взглянула на ладони, то увидела яркую алую кровь. Она просачивалась сквозь пальцы и капала на кафельный пол.

– Ты сделала свою работу, девочка, и я подумаю, куда поместить тебя снова, – услышала Аллэр знакомый голос старика.

Земля обетованная

Тим Робинс тяжело дышал. Жаркое солнце безжалостное. Запасов воды почти не осталось, а небо дышало горячим дыханием. Впереди на асфальте, раскалённый воздух рисовал миражи. Мелкие частицы пыли больно ударили в лицо. Робинс нацепил старые защитные очки, которые не раз уже ремонтировал, и направился к машине.

Он повернул ключ в замке зажигания и посмотрел на унылый пейзаж. Саара, некогда зелёный уголок Испании, стал неузнаваемым. Озеро Эмбальсе де Саара пересохло лет сто назад, когда началась всемирная засуха, унёсшая жизни нескольких десятков миллионов. Теперь же это место пре-

вратилось в свалку электронного мусора.

Робинс взглянул на часы: оставалось несколько часов до встречи. Руана должна была ждать его у свалки в Грасалеме. Он уныло посмотрел на карту, что выдал ему автомобильный компьютер; теперь в каждом городе значимым местом были не культурное наследие, исторические памятники или просто красивые места, теперь Европейским миром правили свалки.

Люди выживали, словно солдаты на войне, питались чем придётся. Они не имели будущего и как могли зарабатывали на жизнь. А кому эта жизнь была нужна здесь, в мире, где она перестала быть наивысшей ценностью?

Кому было суждено остаться в живых?

2151 год стал началом Великой Засухи, когда вода стала дороже золота. Ради неё убивали, воевали и выживали. Кровопролитные войны за воду окончились ничем. Америка, покрывшаяся радиоактивными кратерами, с мёртвыми городами и малочисленными поселениями выживших после ядерной войны, давно перестала существовать как Государство.

Робинсону пришлось нелегко. Покинув Чикаго он узнал, что его страны больше нет на карте земли. Теперь это дымящаяся разрушенная Империя, которая не смогла устоять. Она пала жертвой собственных алчных желаний и иллюзий.

Спустя сто лет мировой порядок настолько изменился,

что в это не могли бы поверить историки и аналитики прошлых лет. Несокрушимые державы пали перед лицом засухи, голода, войн и разрухи. Европе повезло больше, как и России, сумевшей отразить ядерное нападение США. Несмотря на то, что в начале двухтысячных годов ей пророчили судьбу сырьевого придатка, Россия смогла подняться после долгих лет экономического кризиса и реформ. Она задыхалась от проблем с голодом и распространения инфекции.

Крупная авария в биологическом комплексе унесла много жизней. Мутное облако смерти разнеслось на тысячи километров. Биологический комплекс занимался переработкой мусорных отходов, из которых производили топливо и газ. На одной из фабрик произошла утечка штамма сибирской язвы, новой наиболее страшной формы, которая превосходила по своей убийственной силе чуму средневековой Европы. После аварии жертв стало больше. Лекарств катастрофически не хватало, люди умирали, так и не получив вакцину. Правительство России заключило контракт на поставку необходимых медикаментов с Зелёного континента – Африки.

Люди продолжают умирать, и их становится всё меньше.

Робинс сделал глоток из фляжки и, набрав код в телефоне, посмотрел, сколько у него осталось монет. Ему с Руаной предстоял долгий путь в порт Тарифы, где могла улыбнуться удача.

Чем ближе он подъезжал к Большому пути, тем больше становился гудящий поток машин. Одни надрывно пыхтели и сигналили, другие обречённо плелись в гуще потока. Из раскрытых окон автомобилей вырывались, словно испуганные птицы, крики. Люди спешили до рассвета пересечь путь пыльной дороги, так как ночью тут орудовали много-

численные банды головорезов. Разбойники знали, что этот путь в Тарифу последний шанс для многих. Люди, направляющиеся в порт, везли с собой ценные вещи, деньги и воду.

Удушливый дым от выхлопных газов сделал грязный воздух удушливым и отвратительным. Робинс закрыл окно, однако не стал включать кондиционер. Необходимо было экономить бензин, так как на подъезде к Тарифе его стоимость становилась просто бешеной. Он включил приёмник, чтобы немного отвлечься, и улыбнулся при звуке знакомой пени. Музыка из старого фильма «История любви» сейчас стала настоящей классикой. Она навевала приятные воспоминания. Тим закрыл глаза. Руана. Мысли о ней были самым светлым за последние годы в этом аду.

Тим знал, что на подъезде к городу их будет ждать военизированная охрана. Потом проверка документов, отпечатков пальцев и унижительная процедура досмотра. Дальше собеседование, на котором будет ясно, нужен ли он Новой Африке, Земле Обетованной, как её теперь называли.

В начале 21 века именно из-за воды на Ближнем Востоке разразились войны. Алчные замыслы Америка и Европа маскировали войной с мировым терроризмом. На самом деле их целью была вода в Ливии, которая и стала яблоком раздора. На рубеже тысячелетий Муарам Каддафи – вождь народа Ливии – собрал лидеров ведущих африканских госу-

дарств и объявил о строительстве рукотворной реки. С конца двадцатого века началось грандиозное строительство. Проект Рукотворной реки был даже занесён в Книгу рекордов Гиннеса.... Однако

Мечтам было не суждено сбыться.

Наконец-то гудящий поток машин поредел, и Робинс направился по пыльной дороге в Грасалему. Старичок «Додж» был сильно разбит и, качаясь по ухабам, кряхтел потрёпанной подвеской. Робинс вспоминал встречу с Руаной, которая сама была родом из Новой Африки. Она занималась благотворительной помощью голодающим детям Европы и вместе с коллегами пришла ему на помощь, умирающему в ледяной пустыне предгорий Швейцарии. Тогда у него были трудные времена, когда он остался без машины, жилья и денег.

Потом дружба переросла в нечто большее. Когда-то люди называли это любовью, ну, а сейчас может, просто привязанностью. Робинс не знал, как назвать чувство, вспыхнувшее между ними.

Руана – красивая голубоглазая мулатка с коротко подстриженными волосами – она стояла у него перед глазами, и воспоминания о ней придавали сил. Робинс даже не рассчитывал, что такая девушка обратит на него внимание и предложит шанс начать новую жизнь в Африке, что манит всех и зовётся Землёй Обетованной.

В детстве, до мировой войны, он прочитал на эту тему много страниц в популярных электронных библиотеках Нового Света. Именно те, кто хотел завладеть водными запасами Ливии, начали кампанию против ближневосточных стран. На территориях государств вспыхивали цветные революции, а потом и гражданские войны.

Кого народ считал благодетелями, были низвергнуты со своих пьедесталов в бездонную яму, наполненную кровью, предательством и забвением. Рукотворная река была почти что уничтожена, так и не начав своё течение. Для всего мира Ливия, Египет, Судан, Иран, Ирак, Сирия и другие государства пали на колени под ухмыляющимся армейским ботинком Натовского солдата. На самом же деле, в тайных кругах бывших империй, рождался новый план, по которому строительство рукотворной реки продолжилось под прикрытием Китая, Индии и России. Новые технологии позволили начать, после кровопролитных гражданских войн, новые ветви Рукотворной реки.

В России сменилась власть и система управления. Спустя пятьдесят лет, завоевав суверенитет, страна вырвалась из колониального режима Британии и США. Вместе с Китаем и Индией Россия смогла поставить защитную систему вооружения для охраны тогда ещё Черного континента Африка.

Работы шли быстрым темпом. За десять лет строитель-

ства водной артерии африканцы смогли обеспечить чистой питьевой водой весь Африканский континент, который начал преобразоваться на глазах. Вначале, когда в центральных регионах Африки стали открываться новые исследовательские базы, институты и лаборатории, туда со всего мира хлынули учёные – изучать феномен Новой Африки. Именно они дали начало роста африканской науки.

Спустя годы многое изменилось. Новая Африка стала мировым поставщиком пресной воды для засыхающих от засухи стран. Тысячи добровольцев отправлялись помогать голодающим в разных странах, и, казалось, мир перевернулся с ног на голову. Сотни приезжих, не имеющих африканского гражданства, были изгнаны с территории Земли Обетованной, и тогда началась Великая Война за водные ресурсы, которая закончилась для Америки крахом, а для Евразии опустошением.

Африка, благодаря связям с Российской Империей, смогла поставить на вооружение самые лучшие силы. Ни одна ракета из-за океана не упала на её зелёные холмы, не окрасила кровавым заревом голубое небо, которое больше не пылало жаром; теперь всё стало иначе. Разразившаяся бойня вызвала серию катаклизмов на планете, разбудив спящий сотни лет вулкан Везувий, уничтоживший когда-то картинно известные Помпеи. Он погрёб под тоннами лавы и пепла половину южной Италии, никто не смог спастись от разгневан-

ной стихи.

После сильнейшего землетрясения близ Новой Зеландии добрая часть Австралии ушла под воду. Война оставила мрачное наследие: заражённые радиацией континенты Южной и Северной Америки, вымирающую от голода и засухи Европу, масштабную эпидемию на территории России.

Теперь люди стремились попасть в Африку, чтобы спасти жалкие никчемные жизни. Белое население Европы стремительно деградировало, и лишь единицам удавалось попасть на зелёный континент в качестве дешевой рабочей силы.

Белый человек в Новой Африке никогда не мог учиться, как и работать на «чистой» работе, это было запрещено законом. Белых детей, родившихся на африканской земле, забирала от родителей и отправляли в детские дома, которые воспитывали солдат для многочисленной армии. Рай необходимо было защищать, потому что желающих попасть в Африку было больше, чем материк мог принять. Все, кто не был обременён увечьем, тяжёлой болезнью и старостью, стремились оказаться в зелёном Эдеме. Чаще всего большинство заявителей возвращались ни с чем. Кладбище близ Тарифы разрасталось, так как люди, верившие, что смогут начать новую жизнь и не получившие желаемого, очень часто сводили счёты жизнью прямо в Тарифе.

Робинс остановился и, выйдя из машины, увидел девушку в военной форме. Это была Руана. Темнота выползала из-за холмов медленно, словно хищник. С запада доносился едкий запах горевшего мусора на гигантской свалке. Горы из мусора казались несведущему человеку настоящими каменными исполинами. С годами ее основание превратилось в гниющий источник инфекции и отравления для речушки, что протекала сквозь горы отходов. Единственная уцелевшая во всей Европейской части Большой Европы река превратилась в рассадник смерти. Чёрный зловонный ручей, нёс отвратительный запах и болезни. Тот, кто по неосторожности попадал в маслянистые воды, умирал в страшных мучениях.

Экологическая катастрофа принесла свои плоды. Всё больше стало рождаться детей с различными отклонениями и мутациями. Раньше люди боялись их, уничтожали, ссылали в колонии, но потом поняли, что мутанты могут пригодиться. Их с охотой покупали работорговцы Новой Африки, где невольничьи рынки считались обыденным явлением. Именно туда Тим и направлялся. Он протянул руку Руане и, сжав ей пальцы, улыбнулся вымученной улыбкой.

– Привет, Тим, – она кивнула, показывая красивые ровные зубы.

– Я могу коснуться тебя? – спросил Робинс, зная, что по-

сле такого длинного пути должен пройти дезинфекционную очистку.

– Конечно, – Руана протянула к нему руки для объятий, – иди ко мне, я уверена, что ты здоров.

Она поцеловала его, и Тим почувствовал, как сердце быстро забилось. Ему хотелось жить, впервые за эти месяцы, проведённые в скитаниях по старому свету. Обняв любимую, он прижался небритой щекой к её щеке. Он ощущал, что ещё жив только потому, что она позволяла ему это, ведь встретить чёрную женщину, которая искренно привяжется к белому, было большой удачей.

– Руана, если бы ты знала, что ты для меня значишь, – начал Робинс, опускаясь около её ног. Она, нахмурившись, отвела глаза в сторону, закусил губы и на какое-то мгновение стала какой-то чужой и не преступной.

– Я просила тебя, Тим, ты не мой раб, встань, – она снова посмотрела в его глаза, которые смотрели на неё с собачьей преданностью, – я люблю тебя и мы с тобой совершенно равные люди. Мы говорили уже об этом, что раболепство не для наших отношений! Прости, что тебе придётся пройти через всё, о чём я рассказывала, но ты же знаешь, что если я тебя куплю как своего раба, ты будешь волен делать всё, как свободный человек. Главное, мы будем вместе, у нас будут дети и неважно, какого цвета у них будет кожа, это будут наши

дети, а не солдаты.

Она заплакала и опустилась рядом с Тимом на землю.

– Я просто спасаю тебя, как могу, молись своему Белому Богу, а я буду молиться Великой Чёрной Матери Всего.

– Прости, – Робинс обнял её за плечи, чувствуя стыд и боль в груди, – раньше я не был таким, мне пришлось через столько пройти, ты единственная, кто протянул мне руку помощи. Я привязался к тебе и боюсь до конца поверить, что стал равным тебе.

– Тим, я никогда не думала о том, что кто-то мне должен. Иначе я не помогала бы всем тем людям.

Он сжал ей руку и, поднеся к губам, почувствовал облегчение. Руана улыбнулась и, встав на ноги, помогла ему подняться. Они сели в машину и направились в сторону Химена де ла Фронтера, откуда уже можно было в кратчайший срок добраться до Тарифы.

– А где твоя машина? – спросил Робинс.

– Я её оставила в миссии, пригодится ещё, – Руана взглянула на часы, – нам нужно туда добраться до полуночи. Потом смена меняется, и кто там будет, я не знаю, не хотелось бы застрять здесь на несколько дней.

Тим прибавил скорости, «Додж», скрипнул подвеской и рванул вперёд.

- Машина барахлит? – спросила Руана.
- Ничего, до Тарифы доедем.
- Так хочется домой, – протянула она.
- Устала?
- Немного, здесь очень грязный воздух, но я не жалуясь.
- Понимаю, – он закурил, – ты, не против?
- Нет, только открой окно.

Выбравшись на более хороший участок дороги, к закату солнца, они уже были в Химена де ла Фронтера. Пустынный пейзаж вызывал слёзы даже у камней, что были разбросаны, словно великаном, который играл в какую-то свою древнюю игру. Всюду мусор, путешествующие пластиковые пакеты, гонимые, словно «перекати-поле», ветром.

Робинса продолжали ужасать трупы людей. Они были повсюду на пустоши вдоль дороги, останки птиц и животных, которым осталось лишь забвение и время стать пищей для других хищников

Руана думала, что скажет Тиму, когда он узнает, кто она. Она перебирала в руках чётки из чёрного агата и молилась Чёрной Матери Всего за их с Тимом счастье. Вдали за холмами пылало уходящее солнце ярким сонным заревом. Они ехали вслед за гаснущими лучами, под дуновение мусорного ветра. Он пах смертью и разложением. Робинс выбросил сигарету, и Руана закрыла окно. Яркое зарево полыхало вдали

красными цветами. Огонь разгорался сильнее. Робинс сбросил скорость.

– Какой ужас, ты знаешь, Тим, это сжигают мёртвых. Всех, кто прибыл в Тарифу и покончил с собой. Тех, кого унесла болезнь или голод, посмотри, как их много.

– Наверное, когда-нибудь всё это закончится, – вздохнул Робинс, – ведь раньше Испания была процветающим зелёным краем, а я даже не помню землю в зелени.... Как это было давно. Перед моими глазами безжизненная пустыня и свалки, которые везде.... Свалки – это мусор с Новой Африки, ты же знаешь об этом, Руана.

– Конечно, – она пожала плечами, – к сожалению, благодаря свалкам люди могут покупать у нас воду. Это нормально.

Робинс сжал пальцами потёртый руль «Доджа».

Робинс смотрел, как она удаляется, и чувствовал, как кошки скребут на душе. Обида и стыд смешались в чёрную массу боли, она мешала дышать, заполняла глаза слезами.

Силуэт Руаны виднелся на фоне пылающего зарева погребального костра, девушка шла в его сторону без тени страха. Тим был зол не на неё, а на тех, кто поставил мир с ног на голову, тех, кто сейчас использует, что осталось от Евро-

пы и Америки в своих интересах. «Как они могут вывозить от себя свой мусор за наше право пить их воду», – возмутился Робинс, забывая, что его предки поступали так же, как сейчас это делали дети рабов. Им удалось своими руками создать жизнь на умирающем континенте. Он всё это знал и понимал, что не прав в отношении Руаны, тем не менее, дал своей боли вырваться наружу. Робинс вышел из машины и, пнув ногой колесо, выругался.

Руана шла в полной темноте. Она не стала включать фонарик и брела на свет разгорающегося костра, словно бабочка на огонь. Слёзы текли по щекам, она понимала, что они с Тимом настолько разные, и не смогут долго быть вместе. Любовь. Что они знали о любви в этом расколовшемся мире? Тим всегда будет упрекать чёрных в том, что белые живут, как проклятые псы, и в том, что чёрные не хотят впустить к себе всех, не хотят помочь его друзьям.

– Но ведь это невозможно, – сказала она вслух, опустившись на камни, – всё, к чему прикасаются белые, разрушается. Я тоже... моё сердце разрывается на части, – она заплакала, обхватив колени руками и уткнулась в них лицом.

– Малышка! – окликнул её грубый женский голос. Руана подняла глаза и увидела молодую, очень худую девушку лет двадцати, в одной руке она держала короткоствольный дробовик, в другой фонарь, которым посветила ей в лицо, – ребята, идите сюда, я нашла здесь эту чёрную сучку!

Руана, вытерла заплаканное лицо, медленно поднялась на ноги, в руке привычно появился пистолет, мгновенно вывученный из кобуры на поясе.

– Ты же не убьёшь меня, – рассмеялась незнакомка.

Руана слышала, как её обступают со всех сторон люди в грязных лохмотьях. В их глазах светилась ненависть, они выкрикивали ругательства и оскорбления. На лицах, перепачканных сажей, она видела уродство этого мира. Он был жесток не только к пришельцам, но и к своим обитателям. Они бросали в неё камни, палки, мусор, из их ртов вырывались слюна и проклятья. Руана не могла себя заставить спустить курок, пока её не повалил на землю грузный мужчина, пытаясь отобрать пистолет.

Грянул выстрел, и она почувствовала, как тёплая кровь толстяка брызнула в лицо. Выронив оружие и закрыв лицо руками, Руана сжалась в комок от боли, страха и отчаяния. Она молила Чёрную Мать Всего, чтобы та поскорее лишила её сознания, чтобы больше не чувствовать боль и страх. Последнее, что она слышала, это выстрелы и крики, толпа бросилась врассыпную. Знакомые руки подняли её с земли и прижали к тёплой груди, как ребёнка. Робинс нежно взял её на руки и направился в сторону машины.

– Прости меня, Руана, живя в этом аду, мы все постепенно сходим с ума. Прости...

– Тим, – она открыла глаза, – это ты меня прости, каждый

из нас... по своему прав, каждый... И эти люди, что ненавидят нас... Но, ненависть не рождает ничего хорошего, пройдёт время, и вместо ненависти останутся пустота и смерть...

– Всё изменится, не скоро, но я думаю, что в нашем мире не все желают смерти чёрным.

– Забудь, – бросила она, закрывая глаза.

– Хорошо, что они разбежались.

– Они всё равно вернуться...

– Не бойся, я смогу тебя защитить, Руана.

– Зачем я тебе нужна? Зачем всё это?

– Ты нужна мне...

– Мы очень разные.

– Я знаю, но... я хочу быть с тобой.

– Я знаю... я тоже.

Он обработал ей раны и, проверил, нет ли переломов и других повреждений, нажал на кнопку зажигания. Всю дорогу они молчали, а когда прибыли в Тарифу, было уже около двух часов ночи. Они опоздали на корабль, и Робинсу пришлось снять номер в портовом мотеле, который был переполнен мигрантами с разных концов света. Руана быстро приходила в себя, Тим не мог понять, что с ней происходит, раны и ссадины исчезали на глазах, а к утру она выглядела здоровой прежней женщиной, как будто ничего не случилось.

– Тебе это покажется странным, но это новое в медици-

не, – Руана медленно одевалась, – я давно принимаю капсулы регенеративного действия, которые основаны на нанотехнологиях. Маленькие частички успешно отремонтировали меня, – она подошла к зеркалу, – какая жестокость...

– Ты о вчерашнем?

– Да, Тим, – она повернулась к нему.

Робинс скользнул взглядом в разрез расстёгнутого комбинезона. Её шелковистая кожа и маленькая упругая грудь. У Робинса пересохло в горле.

– Самое интересное, – продолжила она, застегнув молнию, – что они знали, кто я... может, это нормально? Я не знаю. Для меня, по меньшей мере, странно пытаться убить того, кто вчера спасал твоих детей от болезни...

– Руана, я рад, что с тобой всё в порядке, – Робинс провёл рукой по волосам, на лбу выступил пот. Запах её духов пьянил и очаровывал. Он протянул руки для объятий, но она как-то странно отстранилась от него. – Прости, я вчера... был неправ...

– Тим, я всё понимаю, – Руана посмотрела на него в упор, – сейчас я не могу, здесь, в этом мотеле... я люблю тебя, но... надеюсь, в Африке ты изменишься, сейчас у тебя стресс, я понимаю, здесь ужасно жить и трудно не сойти с ума. Я многое поняла, побывав здесь.

– Что? – Тим не отрывал он её глаз.

– Я понимаю, что вы такие же люди, и в этом мире необходимо многое изменить. Я согласна с тобой, что свалки уби-

вают то, что не уничтожила война, и так не может больше продолжаться... я поговорю с отцом.

– С отцом?

Она закусила нижнюю губу. Молчание.

– Твой отец важная фигура?

Снова безмолвие.

– Иди ко мне, – Руана притянула Тима к груди, – здесь есть то, чего нет у нас в Африке, – она ласково гладила его по щеке, – здесь больше свободы, реальные чувства, настоящая боль, тут нет тотального контроля. Понимаешь, всё это помогает удержать Африку, потому что без контроля не будет порядка, а без порядка не будет государства. Не все люди привыкли к мысли, что только их собственная сознательность сможет сохранить хрупкий мир, созданный предками. Белые люди из твоего мира не понимали это, ты видишь, теперь вас окружает пустыня.

– Да, – Робинс привлёк её к себе, нежно касаясь губами лица девушки: – Я никому не говорил этого, я боялся, – он поцеловал её в тёплые губы, чувствуя, как Руана податлива, каким горячим стало дыхание любимой.

– Я понимаю, Тим, – улыбнулась она, останавливая его, – слова не так важны, как чувства...

Он не дал ей договорить, снова сжимая в объятиях.

На рассвете следующего дня Робинс ступил первый раз

на благодатную землю Африки. Свежий воздух и красота окружающей природы заставили на его глаза навернуться слезам. Он до сих пор не мог поверить, что стал частью этого мира, красивого, мудрого и справедливого. Неужели так бывает, и что кроется под маской благоденствия и всеобщей радости?

Робинс знал, что никогда не станет своим для этого мира, здесь он всегда будет чужой вещью, принадлежащей чёрной госпоже. Эти мысли не давали покоя, несмотря на то, что он не видел в лицах чёрных враждебности, что была у его собратьев по цвету кожи. Ненависть к непохожим на них, к чужакам, была выращена от самых корней цивилизаций.

Бывшие властители мира, где правили деньги, и белые господа ненавидели всех, кто не похож на них. Ненависть была высечена на камнях и в душах, свинцом и плетью, там, где они поселялись, превращая аборигенов в рабов. Теперь белым людям предстояло почувствовать на себе, что такое рабство. Робинс не мог понять, почему к нему не относятся как к собаке, как к белому рабу, для него всё было странно в этом обществе, казалось, напрочь лишенным жестокости. Люди не могли так измениться, рассуждал он, глядя в яркое небо с белыми облаками. Красочные многоголосые птицы пели на разные голоса, а ласковые волны прибоя рисовали узоры на белоснежном кварцевом песке. Руана всегда пропадала на целый день, Тим очень скучал и чувствовал себя порой ненужным. Руана пыталась объяснить, что иначе не мо-

жет быть, но ему было сложно перестроиться.

Каждую ночь, засыпая на белоснежных простынях, ему снились грязные просторы пустоши, где он бродил в одиночестве, гонимый мусорным ветром, словно пластиковый пакет «перекати-поле». Он видел тысячи лиц блуждающих в темноте. Люди подходили к нему и, касаясь, просили о помощи. Мужчины и женщины плакали, показывая ему мёртвых детей. А вокруг поднимались горы мусора, который, словно ожившая волна, превращалась в цунами. Тим бежал вместе с тысячами людьми и не мог никого спасти.

Пробуждение. Пот заливал Тиму глаза. Сбивчивое дыхание и испуганные глаза Руаны перед его лицом. Он не понимал, что происходит, ощущая спиной, как взмокла простыня.

– Тебе опять снился кошмар?

– Нет, всё в порядке, – отвечал он, ощущая ужас. Он преследовал его с мусорных пустошей умирающей земли.

– Иди ко мне, Тим, – Руана погладила его по мокрым волосам, шептала на ухо какие-то слова. Он не помнил их и словно в забытьё провалился в глубокий сон до утра.

Однажды Руана сообщила ему, что ей снова придется поехать в миссию Тарифы. Известие о поездке очень взбудоражило Робинса, и он отчаянно просился отправиться вместе

с ней в старьй засушливый мир, полный жестокости, ненависти и страха. Руана была очень удивлена, но не смогла отказать ему.

Морской катер пересекал Гибралтарский пролив. Тим смотрел вдаль на серые скалы, некогда покрытые буйной растительностью, и в его сердце что-то сжималось, словно у птицы в золотой клетке, которую везли на свободу. Ступив на израненную землю Тарифы и вдохнув воздух, пропахший гарью, Тим знал, что теперь никогда не станет прежним, там он был чужим. Сейчас он стал здесь чужим среди своих. Он знал, что уже никогда не станет прежним.

Весь день они провели в лаборатории миссии, в окрестных городах началась холера, и было необходимо сделать прививки. Необходимые лекарства для пострадавших опаздывали, и Руана была вне себя от гнева.

– Я же просила всё привезти к сроку, – она грозно сверкала глазами.

– Да, принцесса, я прошу простить меня, – пытался оправдывать врач миссии.

– Это такие же люди, как и мы.

– Я знаю, – кивал врач, и Робинс видел в его глазах страх и преклонение.

Он закрыл глаза и, сжав губы, глубоко вздохнул.

– Руана, я понимаю, что сейчас не время...

– Прости, но я очень занята...

– Руана, почему ты не сказала мне?

– Не сказала что?

– Ты принцесса?

– Ну, да, что в этом особенного? – она непонимающе подняла брови.

– Для меня это многое меняет.

– Тим, не начинай, – бросила она, – поговорим дома, сейчас настоящий аврал.

Робинс смотрел на Руану и не понимал, зачем ей всё это. В Африке она ни в чём не нуждалась, её отец... Её отец король! Зачем ей грязь и чужая боль в глазах, кто ненавидит тебя, не понимал Тим, но не решался заговорить с Руаной. Почему она ничего не сказала о своём статусе в своей стране? Робинс не понимал, почему она скрыла от него это, что хотела принцесса от него?

Руана вернулась глубоко за полночь. Робинс не спал, притворялся спящим. Он слышал, как она вошла в спальню. Тихо, словно кошка, нырнула под простыню прохладным телом. Обвила его шею нежными руками и, коснувшись губами плеча, затихла. Он слышал её дыхание, которое становилось размеренным. Ночь. Запах гари. Здесь ему не снились кошмары.

Робинс открыл глаза и, откинув покрывало, поднялся с кровати. Тёплый воздух пробежался по волосам, словно лаская и зовя за собой. Он стоял на балконе и смотрел на спящий город. Изредка мимо отеля проходили группами вооруженные люди. Вот какой-то пьяница тащил за собой проститутку. Она смеялась и задирала короткое платье.

Робинс закурил. Хлопанье крыльев. Он удивленно посмотрел в сторону источника звука и увидел, как на крышу противоположного дома села большая птица. Ему казалось, что она смотрит на него большими жёлтыми глазами. Птица взмахнула крыльями и, тяжело поднявшись, полетела в его сторону. Робинс смотрел на неё и внезапно потерял из виду, а потом ощутил, что ночная гостья рядом. Птица что-то крикнула и, коснувшись его головы крылом, резко взмыла вверх.

Спустя несколько недель, когда у них выдался свободный вечер, Руана приготовила ужин и накрыла стол на террасе дома, который они снимали в Грасалеме. Она стояла в красивом белоснежном платье, которое было из простого тонкого материала. Очертания гибкого тела угадывались в свете фонариков, расположенных по краям террасы, и Тим, улыбнувшись, притянул её к себе.

– С тобой невозможно, – он поцеловал её в губы, – я не могу без тебя, принцесса, но и возвращаться в Африку не хочу.

Руана удивлённо вскинула брови, поставила бокал с ви-

ном на стол и, как-то осунувшись, опустилась в кресло.

– Дело в том, что я принцесса?

– Нет.

– Тогда в чём? Ты уже не любишь меня?

– Руана, я как тот зверь, выросший на воле. Меня заперли в клетке, я как узник, мечтающий о свободе. Пусть мне будет голодно, пусть я буду умирать от жажды, но здесь у меня есть свобода и желание что-то изменить. Пойми, вместе мы сможем.... Я уверен, что твоей стране удобно, чтобы весь мир был в руинах, как было раньше выгодно другим странам. Я понимаю, что это неправильно, и если ты уйдёшь, я приму твой выбор и буду надеяться, что мы, возможно, когда-нибудь увидимся снова.

– Ты знаешь, я не могу остаться?

– Но ты же принцесса.

– Это всё чушь, – она отвернулась, – я просто дочь своего отца.

– Разве твой отец не может всё это прекратить?

– Прекратить что?!

– Уничтожение всего живого!

– Тим, – Руана резко поднялась с постели, взяла его за руки, прижала к своему животу и прошептала, – ему ты тоже будешь рассказывать о свободе? А когда твой ребенок будет знать, что его отец никчемный белый, который заставил его мать страдать...

– Руана, прости, но это эмоции.... Подумай, мы любим

друг друга, но нам невыносимо друг с другом, мы раним друг друга с мазохистским наслаждением, забывая всё и снова ложась в одну постель. Потому что любовь всё прощает, потому что у любви нет разного цвета кожи.

– Тим, я понимаю, но я не могу...

– Оставайся.

– Нет, – она покачала головой, – я не смогу здесь... и, тем более, ребёнок...

– Поэтому я и прошу тебя остаться, Руана, я не отказываюсь от тебя, мне чужд твой приторный нарисованный мир, я не хочу его. Это эгоизм, по-твоему? Зачем ты здесь, зачем спасаешь умирающих, когда ваша страна делает всё, чтобы эти люди страдали. Продлевая им жизнь в своей миссии, ты словно ковыряешься в кровавой ране. Она всё равно кровоточит, и ты знаешь, что человек рано или поздно умрёт, только страдания его будут мучительнее.

– Я не задумывалась об этом, – Руана обняла Тима с такой страстью, словно прощалась с ним навсегда, – ты знаешь, кто я, – она немного помолчала и продолжила, – я принцесса, дочь короля Африки, поэтому я здесь, но и поэтому я должна вернуться домой.

– Не вижу связи, – усмехнулся Тим, – я думал, ты выберешь свободу, и наша любовь гораздо важнее всего того, что ты делаешь здесь. Люди всё равно будут умирать, если не изменить порядок вещей, происходящих здесь... да и по ту сторону Гибралтара. За годы, прожитые в мире, пол-

ном ненависти, возможно, мое сердце очерствело и стало похожим на камень. Но тебя я люблю, в этом ты можешь не сомневаться. Ещё больше я хочу изменить этот мир, который похож на зловонную яму, где всё рано или поздно умирает.

Руана с болью смотрела на него, понимая, что сделала роковую ошибку.

– Я не могу остаться, если ты любишь, то мы уедем отсюда, наши дети не должны увидеть этот мир...

– Если, если, – уронил Робинс, – думаешь, мне легко? – Он налил себе вина и, выпил залпом из бокала, посмотрел на Руану. – Уезжай и никогда не возвращайся, только так мы сможем справиться со всем этим. Я буду помнить тебя как самое лучшее, что было в моей жизни.

– Я тоже, – прошептала Руана одними губами.

Они сидели в разных углах комнаты и долго смотрели друг на друга, словно пытаясь запомнить черты каждого так, чтобы они впечатались в память навсегда. Когда стало темно, они не включали свет, а лишь взяли за руки, так и уснув в объятиях друг друга.

Когда Робинс проснулся, её уже не было рядом... Только легкий аромат духов, пустота, с которой он будет жить все эти годы, пытаясь что-то изменить, что-то забыть, а что-то построить заново.

Спустя много лет он перебрался в Индию, где продолжил свою собственную миссию. Она отличалась от того, что делала Руана. Тим знал ради чего остался. Былой облик городов медленно, но возвращался. Вызовом, предсмертным кашлем старой эпохи стала попытка кардинально изменить мир.

У Тима было много сторонников, и он радовался, что смог сделать свой мир немного лучше и чище. Отчаяние больше не бродило по пустынным городам, свалки больше не загромождали городские площади, хотя от них не удалось избавиться окончательно, но их стало в разы меньше. Робинс нашёл людей, способных думать и предпринимать важные решения. В организации «Новая жизнь» появились учёные из других стран. Многие присоединялись к обществу по очистке и охране природы. Люди верили Тиму и видели, как он работал, что его слова не расходились с делом. Сторонников Робинса становилось с каждым днём всё больше, израненная империя начала подавать признаки жизни.

Мир изменился. Теперь это уже была совершенно другая страна, в совершенно непохожей на прежние эпохе. Страны объединялись, позабыв о распрях и границах, о своих амбициях, о том, как пахнут деньги и чем люди платят за свою жизнь.

Иногда на закате Тим сидел на балконе своего дома в Мумбае и вспоминал ту единственную, что оставила глубокий шрам в его сердце. Оно было ожесточено испытаниями,

выпавшими на долю Тима и окружающего его мира. Порой Робинс ловил себя на мысли, что ищет Руану в толпе темнокожих девушек, понимая, что она давно уже стала другой.

Спустя 15 лет

– Мама, когда мы отправимся в другой мир? – спросила Калисто. – Я ведь уже достаточно взрослая.

Руана, улыбнувшись, посмотрела в глаза дочери, они были совсем как у отца. Она следила за его судьбой и знала, что он многого добился, стал уважаемым человеком. Его мечта почти осуществилась. Тим Робинс положил начало так называемому «отмыванию городов от свалок и смерти», создал организацию «Новая жизнь» и к удивлению многих, изменил мир.

Руана, улыбнувшись, взяла фотографию, где они с Тимом стояла на озере Чад. Прошло пятнадцать лет, в то время они были молодыми, нетерпеливыми, не готовыми уступать друг другу.

– Мама, ты всегда смотришь на это фото, а потом плачешь, – Калисто взяла фотографию из рук матери и, посмотрев на неё, поставила на стол. – Мне кажется, папа любит нас, просто ты сама не хочешь признать и понять, какие вы разные.

– Ты говоришь, как он, – грустно улынулась Руана, – я уверена, что любит и жалеет о том, что тогда мне пришлось уехать. Через несколько дней я и твой дедушка отправляемся

в Мумбае, это в Индии, если хочешь, можешь поехать с нами.

– Но там не опасно?

– Нет, что ты, тот мир стал намного лучше, за пятнадцать лет многое изменилось. Мир залечивает свои раны очень быстро, и теперь, думаю, всё изменится, потому что люди... сами изменились, понимаешь, Калисто?

– Понимаю, – девочка опустила глаза, – мне немного страшно, я же никогда не покидала пределы Африки, но я многое читала о том, что нас не любят в том мире.

– Не думай об этом, – Руана погладила дочь по голове, – всё будет хорошо.

Они любили закат на бухте Бэк—Бей и весь вечер наблюдали, как солнце медленно таяло на горизонте. Его золотистые лучи становились пурпурными, купаясь в тёплой воде Аравийского моря.

Калисто сделала несколько глотков из своей чашки и с улыбкой рассказывала матери, как сегодня она каталась на огромных животных.

– Я думала, что слоны уже давно вымерли, это так здорово, что они до сих пор живы.

Робинс услышал задорный смех девочки и подумал, оглядываясь назад, что его дочери или сыну могло быть столько же лет. А женщина, сидевшая к нему спиной, могла быть его любимой Руаной, от которой он отказался. «Ради свобо-

ды, ради спасения своей страны или своих целей, ради чего?»?

Он расплатился с барменом и направился к ступенькам, ведущим к пляжу бухты. Немного замешкался и остановился возле перил. Какое-то странное чувство не отпускало, как будто с ним раньше происходило тоже самое. «Дежавю», – пронеслось в мыслях Робинса. Что-то не давало уйти ему, а потом заставило обернуться и посмотреть на женщину, живо разговаривающую с девочкой.

Робинс почувствовал, как земля ушла из-под ног, он схватился за перила и попытался прийти в себя.

– А ты нисколько не изменилась, – пробормотал он, глядя на неё.

Руана взглянула в сторону Тима, их глаза встретились. Морщинки прорезали кожу возле глаз. Седина припорошила почти всю голову, но это был он. Она улыбалась, вспоминая прошлое, которое так и не стало их настоящим. Робинс посмотрел на девочку и увидел в её глазах своё отражение.

– Тим, – прошептала Руана и, посмотрев на дочь, направилась к нему. Они взялись за руки, не веря, что эта встреча оказалась возможной. Молчание и робкие взгляды, словно у влюблённых впервые сумевших найти смелость признаться в своих чувствах. – Тим...

– Руана...

– Тим. . . . Ведь только любовь долго терпит, милосердствует, – она нежно сжала его пальцы в своих ладонях.

– Только любовь не завидует, не превозносится, не гордится, – тихо продолжил он.

– Она не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, – прошептала Руана, – любовь не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. . . .

Игры ярости

Солнечный майский день подходил к концу. Субботний вечер немного усталый и тёплый, предвкусшал сладкий сон. Взрослые и дети гуляли в школьном парке, любовались алой полоской заката, которая расчертила весеннее небо оттенками красного.

Тишину нарушил громкий хлопок. Земля вздрогнула. Люди испуганно переглянулись, страх рисовал причудли-

вые образы, толчок повторился. Девушки взвизгнули, резво спрыгнули со скамейки, отбегая в сторону кустарника. Из-под здания городской школы поползли трещины, асфальт вздыбился. Старое кирпичное здание задрожало, запахло горелой проводкой, из окон повалил дым. Кто-то крикнул:

– Пожар!

Из-за усиливающихся толчков девушки упали лицом вниз, испугано охнули. Мальчик прижался к падающей бабушке, закричал пронзительно, вцепился в неё. На асфальте поползли трещины, они разъезжались, образуя огромные дыры. Дрожь земли походила на пульсацию. Цвет небо стал пурпурным, неестественно ярким и жутким.

Здание школы закачалось. Кирпичная кладка, как будто сделанная из гипса крошилась, и строение сложилось, словно карточный домик за несколько минут. Клубы пыли вырвались из-под фундамента. Когда пыль осела, очевидцы: мальчишки и несколько мужчин осторожно подошли к развалинам, увидели провал, а потом их отбросило новым толчком, уронило навзничь, словно взрывной волной. Из ямы вырвался фонтан грязи. Земля задрожала снова, а потом когда шум стих, в парке повисла гнетущая тишина. Люди с опаской подходили к руинам, заглядывали в образовавшийся провал, кто-то вызвал МЧС, полицию. Говорили – «хорошо, что суббота и учащихся не придавило».

Глава администрации как обычно притащился с кучей помощников, взъерошенный и красный, бегал по оцепленному

ментами квадрату и орал в телефон.

К ночи на город опустился жёлтый туман. Никто сразу и не понял, что ядовитый морок уничтожил большую часть населения. Люди корчились в судорогах, медленно и мучительно умирали.

* * *

– Всем проверить защитное снаряжение, – скомандовал Ворон. – Выходим по одному.

Гарик и Жёлудь незамедлительно последовали приказу командира – нацепили противогазы, на случай, если «ядовитый туман» решит кого-нибудь прикончить. Сняли оружие с предохранителя, проверили батареи в рациях и в фонарях. Долговязый Костя Желудев потёр влажные ладони и натянул перчатки. Игорь, которого друзья звали Гарик, покусывал губы. Ему было двадцать три, взрослый парень, мужик, как говорил отец, но ему было страшно. «Жаль, что тебя нет рядом, – пронеслось в голове, – я бы тебе столько всего мог рассказать»!

Отец погиб, как и мама, как многие в первое нашествие тумана. Гарику повезло, он как раз уехал из города, только жалел, что Настя осталась там. «Где сейчас она, что стало с ней?» – спрашивал себя. В первые дни после Разлома он отправился в город с поисковой группой, но всякий раз аномалии выгоняли бойцов за пределы района, где жила На-

стя. Никаких известий от неё не было, сотовая связь вырубилась, даже радиосвязь не везде работала. Некоторые радиации справлялись, в основном те, что были у военных. Простенькие из магазинов типа «Рыбак-охотник» часто «фонили», и в них быстро разряжались батарейки.

Покидать бункер парням не хотелось. Внутри сухо, тепло, а главное безопасно. На поверхности неразбериха – аномалии, призраки и смерть. Сидишь глубоко под землей, и «по барабану», что там наверху творится. Люди, в большинстве своём, так вообще старались забыть первый день Разлома. Воспоминания о смерти близких и ужасах болезненны до сих пор. Выживших мучили кошмары, некоторые, так, вообще, «слетели с катушек». Надежда на спасение оставалась, и ради неё жители новой реальности справлялись с трудностями и пытались понять странные явления, которые происходили на поверхности.

Бункер – отличное убежище, к тому же перед самой катастрофой был подготовлен, словно его хозяева ждали третью мировую. *«Укрытие наверняка строили на случай ядерной войны, в нём были противогазы, костюмы ОЗК и запасы продовольствия, лекарства – всё для того, чтобы выжить»*, – думал Гарик, осматривая оружие. Парень жил в двух кварталах от бункера, но, как и все местные, ничего не знал о нём. Помнил только, что сверху находился заброшенный долгострой и недовольных пайщиков, на поверку оказавшихся легендой для отвода глаз.

Сейчас мало кто рассуждал, что бункер нашли случайно. Кроме, конечно же, Ворона. Два года прошло. Именно он рассказал парням про первые дни после Разлома. Капитан Дмитрий Петрович Воронов служил на секретной базе, неподалёку от Армавира. Командовал взводом связи. Его ребята первыми перехватили сигнал о Чрезвычайной Ситуации, в котором содержались координаты убежища.

Воронов перенёс данные на карту, и уже собирался идти с докладом к командованию, но не успел, началось землетрясение. Планшет с картой капитан потерял, почти все сослуживцы погибли. Позже, выбравшись из туманного ада, он по памяти нанёс координаты на карту, которую» нашёл в одном из магазинов покинутого города. Вот только попасть в бункер военные так и не смогли – Зона запустила щупальца в посёлки и города, расползлась как спрут. Искать бункер бросили, надо было учиться выживать.

К моменту встречи с Гариком и Жёлудем Ворон сколотил небольшой отряд, и к немногочисленным воякам прикнули местные жители. Команда получилась разношерстной, но каждый старался пригодиться – учился новому, искал не только выживших, но и ответы на вопросы, что же стало причиной возникновения аномальной Зоны. Группа бойцов неоднократно совершала попытки выбраться из Зоны Разлома, но безуспешно. Единственное, что удалось через месяц — наладить связь с Большой Землёй. Тогда-то начальник секретного подразделения ФСО президента и передал

Воронову коды доступа в бункер. Капитан знал, что Федералы держали его для высокопоставленных лиц и их семей. Говорил о своих предположениях с какой-то обидой и праведной злостью, что убежище не для простых смертных, а тут, когда Зона стала закрытой территорией, другого способа избавить местных от смерти не представлялось. *«Надо же, решились наконец-то людей спасти, за свой счёт»*, – горько посмеивался он. *«Вот и пригодилось укрытие обычным людям, а не местным олигархам»*.

Именно бункер оказался форпостом борьбы с исковерканным миром. Бойцы прочёсывали посёлки, искали живых. Спасли несколько преподавателей университета, которые первыми исследовали аномалии, используя лабораторию в бункере. Воронов был отличным организатором и всем застрывшим в Зоне Разлома нашёл применение.

Вокруг территории Зоны возвели укреплённую стену, даже ров выкопали. СМИ вещали о страшном землетрясении и аварии на химическом предприятии «Триумф» в Армави́ре. Врали нещадно о заражении местности, о неизвестном веществе, об эвакуации, которой не было. Что же творилось на самом деле в аномальной Зоне, командование узнавало от группы Воронова. Приезжали «важные лица» на чёрных «лексусах», качали головой, причмокивали губами и разводили руками. Говорили: *«Работайте, Родина вас не забудет»*. *«Но, и не вспомнит»*, – сквозь зубы отвечал капитан Воронов и снова рисовал планы, ломал голову, как найти вы-

ход, как жить дальше.

Между тем чёртова Зона разрасталась, захватывая всё новые и новые районы края. Аномалии возникали хаотично, а ещё люди стали видеть призраков – мальчиков, зовущих на помощь. Один парнишка, второй, были они все одинаковые на лицо, как близнецы, в полосатых футболках, не старше трёх лет. Жалостливо звали на помощь. Люди бросались к детям и гибли от «жёлтого тумана», который вырывался столбом из-под земли.

Предугадать появление фантомов оказалось невозможно. Новая реальность перекраивала местность, управляла климатом, сводила людей с ума.

От станции Первомайской до посёлка Тоннельный раскинулась Зона отчуждения. Захватила и другие области, очерчивала круг по западной стороне, с юга, и на севере пролегла до Кропоткино. Не впускала чужаков и не выпускала никого, кто волею судьбы застрял внутри её сетей.

Мир здесь странный. Шепчущий лес, монотонная морось и серое небо. Тут всегда осень и никак не начнётся лето. Слякоть и пронизывающий ветер делали и без того безрадостную жизнь тусклой, мрачной. Дожди превращали поля в болотистую топь.

О бункере Ворон знал многое, как будто сам его строил, но каждый раз Гарик чувствовал, что капитан что-то не договаривал. Потом стало всё равно, какая разница, откуда у командира информация об устройстве убежища. Главное –

укрытие отличное, вода с едой имеются и оружие.

Гарик потерял всех родных. Из знакомых остался только Механик, друг отца. Он вытащил парня из лап ядовитого тумана, поддерживал и помогал словом и делом. Его семья тоже погибла. Каждый невольный пленник Зоны лишился кого-то из близких, но разговоры о смерти старались попусту не заводить. Боль постепенно утихла, со временем стала привычной и не такой острой.

Игорь всё время думал о погибших родителях, о любимой девушке, смотрел в спину товарища, а перед глазами стояли образы близких, они уже не вернуться никогда.

Пора выходить на поверхность. В проёме выхода, где, словно картина постапокалиптического пейзажа, серел пепельный рассвет, начинался новый день. Скрюченные, похожие на паралитиков деревья покачивались, скрипели, шептали на языке мёртвых.

Створки за спиной, напоминающие зубастую пасть, захлопнулись. Одна панель сверху, вторая снизу – стоило Ворону махнуть рукой перед световым датчиком. Кто не знал о расположении бункера, и не понял бы, что здесь за укрытие.

Командир поднял вверх сжатый кулак и замер. Парни остановились, прислушались, но кроме тишины ничего.

«Сегодня непривычно тихо, – насторожился Ворон, – а значит, стоит ждать какой-то подлости от леса и призраков».

До посёлка Тоннельный идти с час, не больше. Командир говорил, надёжная машина нужна. Современные тачки, напичканные электроникой стали бесполезным железом. После инцидента в Армавире такие машины «сдохли» и не подлежали восстановлению. Гарик думал: *«Вот оно началось, как в любимой видео игре – лес наводнят твари всех мастей, мутанты»*. Но там ничего подобного не обитало. Главной опасностью стали призраки, «ядовитый туман», а ещё «пекло», так называли огненные смерчи и внезапные потоки пламени. Они выскакивали, точно из воздуха. Видели «пекло» чаще в Армавире, где открылся Разлом. Из эпицентра аномалии расползались по округе, словно охраняли подступы к городу.

Гарик снова углубился в воспоминания. Про «жёлтый туман» ему рассказывал Механик в день Разлома.

«Я с охоты возвращался, туман уже схлынул. Все почти погибли, кто в городе был. Повезло лишь некоторым, кто догадался окна захлопнуть. Кто тряпками мокрыми щели закрывал, в подвалах прятались. Только большинство так и не поняли, что туман убивает. А ещё мальчонку заметил, плачет, надрывается, помочь ему хотел. Хорошо со мной товарищ был, говорил, не подходи к нему, Миха. Сам видел, как приблизишься к такому, из-под земли столб жёлтого дыма, и всё, нет человека, словно сгорел заживо».

Гарик двигался за Жёлудем, смотрел в его тощую спину и прислушивался. Защитный костюм, как мешок сидит

на сутулых плечах друга. Тишина. Ворон сказал, что идти придётся долго. От бункера до города километров пятьдесят, полдня добираться. Машина нужна была позарез. Хотя ехать по открытой местности опасно, считал Гарик, но и найти укрытие ночью сложно. Выбора не было.

Неделю назад товарищ командира, Сергей Михайлович, вернулся из города, пытался там прибор один настроить и проверить. Все называли доктора наук «док». Гарик не знал, чем занимался друг капитана, был он, как говорили, специалистом по военной технике, и появился в бункере вместе с группой Ворона.

Все бойцы, что с ним были в Армавире, погибли, он один остался в живых. «Пекло» и «Туман» не пощадили никого кроме него. *«Почему он вернулся, как выжил?»* — задавался вопросом Гарик. Док странно выглядел, от любого шороха вздрагивал, и всё говорил о детях, которых необходимо спасти. Капитан слушал его, морщил лоб, качал головой, но не верил, считал, что это призраки заманили бойцов в ловушку.

Сергей Михайлович рассказывал капитану о девушке, которую увидел около руин школы. Странное дело, духи Зоны не трогали её. На оклик бойца она не обернулась, свернула за угол дома и словно растворилась. По словам дока, именно после встречи с незнакомкой начался огненный шторм. «Пекло» словно взбесились, появлялись одно за другим, желая уничтожить незваных гостей.

«Дмитрий Петрович, – Воронов вдруг вспомнил их разговор с доктором, глаза, бегающие и болезненные, делали его похожим на сумасшедшего. – Я тут приборчик смастерил, и он точно показывает всплеск электромагнитного возмущения. Только вы сможете разобраться. Мой совет, возьмите мальчишек местных с собой, ваши бойцы ушли в рейд, никого нет сейчас. Пацаны они крепкие, справятся. Машину бы, тогда точно вернётесь к темноте обратно».

– А что там док говорил о городе и мальчиках? – поинтересовался Гарик. Ворон резко обернулся, зыркнул, точно мог прожечь дыру взглядом. Парень понимал, что сейчас не время вести разговоры и сжал губы.

Лучи солнца пробивались сквозь низкие облака. Под ногами чавкала грязь. Слякоть подбиралась к штанам, хоть те и были заправлены в высокие берцы. Жёлудь шмыгал носом и молча смотрел по сторонам. Гарику даже стало совестно, что он спросил о городе и Сергее Михайловиче. Парень он был не болтливый, и думал, что, наверное, ложная безопасность и тишина немного расслабили его.

Ветра сегодня не было, птиц не слышно – они уже второй год не пели песен. Мир в Зоне отчуждения был полумёртвым, замершим, выжидающим.

Спутники шли несколько часов в сторону точки, отмеченной на карте. Сделали привал в густом ельнике, перекусили, оправились и двинулись дальше. Молчание становилось вязким, Жёлудь несколько раз обернулся. Глаза парней встре-

тились, но теперь Гарик решил не нарушать тишину, не хотел снова получить резким взглядом Ворона под дых.

После второго привала у Гарика разболелась голова. Он морщился и всё думал, что где-то рядом плели колдовство фантомы, из-за этого виски сдавливало, а веки налились свинцом. Он ничего не говорил командиру, прислонился к сосне с шершавой красной корой и думал о том, что же они будут искать в городе. Вспомнил Настю, которая осталась там, их ссору, и то, как жалел, что они вместе не смогли спастись.

Двинулись дальше, пока не вышли к Тоннельному. Небольшой посёлок, где выросли Гарик с Жёлудем, сейчас стал безлюдным, опустевшим и поэтому жутким. Даже кошки и собаки исчезли. Ветер гулял между домами, пел скрипучую песню. Раскрытое окно хлопнуло рамой, и Жёлудь вздрогнул, сжал в руках автомат. Двери в домах то распахивались, то захлопывались. Поднялся вихрь, в ушах загудело, словно ветер выпроваживал неожиданных гостей.

Путники двигались ещё минут двадцать. Посёлок наблюдал, деревья не шептали заклинаний. Ворон настороженно смотрел по сторонам. Тихо пробормотал, что не нравится ему эта тишина, точно что-то назревает.

– У моего соседа «уазик», – тихо проговорил Жёлудь.

– Что говоришь? – спросил Ворон.

– Я говорю, у соседа машина была, «уазик», ещё советский, – чуть громче произнёс Жёлудь. Голос его из противо-

газа прозвучал хрипло и сдавленно.

– Далеко от нас?

– Пару кварталов пройти.

– Веди.

Группа перестроилась. Теперь Жёлудь шёл первым, Ворон вторым, Гарик замыкающим. Двигались быстро. Гарик с удивлением отметил, что аномалии не особо сильно разрушили посёлок, а ещё ему показалось, что кто-то за ними пристально наблюдал. Безмолвие и чья-то слезка делали обстановку нервной и тревожной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.